

Современная эпидемія школьныхъ самоубійствъ въ Россіи.

Проф. Н. М. ПОПОВА.

(О к о н ч а н і е).

XL. И. З. 15 лѣтъ, ученикъ IV класса гимназіи, 19 декабря 1909 г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Покойный грекъ по происхожденію; семья состоитъ изъ матери и пятерыхъ братьевъ, живетъ въ достаткѣ; братья люди интеллигентные, мать же неграмотна. Этими фактами исчерпываются свѣдѣнія о семьѣ; мы не знаемъ, имѣются ли указанія на патологическую наслѣдственность, или нѣтъ, каково было отношеніе матери и братьевъ къ З. Директоръ гимназіи не сообщилъ даже характеристики покойнаго, ни слова не говоритъ объ его способностяхъ, умственномъ развитіи, жизненныхъ интересахъ.

З. въ числѣ другихъ учениковъ, имѣвшихъ неудовлетворительныя отмѣтки, былъ переспрошенъ преподавателемъ исторіи и получилъ за отвѣтъ двойку, чѣмъ сразу былъ очень взволнованъ. Дома онъ обратилъ на себя общее вниманіе грустнымъ, убитымъ видомъ, а на другой день застрѣлился, оставивъ записку слудующаго содержанія:

«Дорогіе друзья, я не по своей волѣ убиваю себя, а меня довели до этого и еще этотъ человѣкъ просилъ меня, чтобы я извинился передъ нимъ за оскорбленіе; теперь я извиняюсь своей жизнью передъ нимъ и все это за какія-нибудь несчастныя двѣ двойки въ четверти. Я не могу снести этого оскорбленія, и если бы это за незнаніе, а то вѣдь знаешь и твое знаніе цѣнять такъ низко. Пусть же теперь мое знаніе и незнаніе поидетъ вмѣстѣ.

со мной въ могилу. Цѣлую маму и всѣхъ васъ. Теперь же вы всѣ успокойтесь и довольно съ васъ..

При произведенномъ разслѣдованіи выяснилось, что хотя къ преподавателю исторіи ученики вообще относились хорошо, но онъ отличался очень вспыльчивымъ характеромъ и не всегда могъ удержаться отъ рѣзкаго тона. Такъ, З. жаловался брату, что этотъ преподаватель въ классѣ называлъ его босякомъ, не умѣющимъ сидѣть. Одни изъ учениковъ, слышавшихъ послѣдній отвѣтъ покойнаго, говорили, что оцѣнка его была слишкомъ строга, другіе же утверждали, что двойка явилась результатомъ слишкомъ быстрого испытанія, причемъ ученикъ не успѣлъ обнаружить своихъ знаній. Послѣдней возможности не отрицалъ и самъ преподаватель.

Насколько позволяютъ судить приведенные выше факты, З. отличался впечатлительнымъ, самолюбивымъ характеромъ; подготовка къ послѣднему отвѣту, которому онъ предавалъ почему то рѣшающее значеніе, и волненія, связанныя съ нимъ, должны были, конечно, еще болѣе повысить впечатлительность мальчика, и онъ, считая себя незаслуженно оскорбленнымъ и униженнымъ, не нашелъ иной формы протеста, какъ самоубійство.

XLI. Я. Ч. 20 лѣтъ, слушатель педагогическихъ курсовъ, 26-го декабря 1909 г. скончался, отравившись карболовой кислотой.

Изъ краткихъ свѣдѣній, доставленныхъ по этому дѣлу, видно, что покойный, сынъ дворника, страдалъ душевнымъ расстройствомъ, которое и явилось причиной самоубійства.

XLII. А. Г. ученикъ VI класса гимназіи, 30 декабря 1909 г., покушаясь на самоубійство, пытался выпить сѣрной кислоты.

Причиной попытки, по собраннымъ свѣдѣніямъ, была наслѣдственная психическая неуравновѣшенность, разрывъ съ отцомъ и вызванное послѣднимъ обстоятельствомъ разочарованіе въ жизни.

XLIII. Г. О. 18 лѣтъ, ученикъ VIII класса гимназіи, въ ночь на 8 января 1910 г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

О. происходитъ изъ психопатической семьи (отецъ страдалъ душевнымъ разстройствомъ); мать, выйдя замужъ во второй разъ, вела свѣтскую жизнь; на мальчика обращали мало вниманія и онъ росъ одинокимъ, замкнутымъ. Серьезныя недоразумѣнія, происходившія между матерью и ея мужемъ, свидѣтелемъ которыхъ О. приходилось бывать, еще болѣе отдаляли его отъ родныхъ и заставляли глубоко страдать. Обладая отличными способностями, относясь къ занятіямъ съ полной добросовѣстностью, юноша былъ въ гимназіи однимъ изъ лучшихъ учениковъ; къ нему всегда одинаково хорошо относились и учителя и товарищи. Въ теченіе 1909 г. у него развилось общее нервное разстройство въ формѣ черепно-мозговой нейрастеніи, выражавшееся крайне подавленнымъ настроеніемъ и припадками тоски, подъ вліяніемъ которой стала чаще и чаще возникать мысль о самоубійствѣ. Въ декабрѣ 1909 г. О., рѣшившись покончить съ собой, взялъ револьверъ и ушелъ изъ дому, оставивъ записку, гдѣ просилъ никого не винить въ своей смерти. Къ счастью мать случайно встрѣтила его на улицѣ и отобрала оружіе. Мало-помалу болѣзненное состояніе настолько усилилось, что родные, желая по совѣту врачей дать юношѣ отдыхъ, выхлопотали ему разрѣшеніе временно не посѣщать гимназію. Специалистъ-невропатологъ, видѣвшій тогда больного, совѣтовалъ помѣстить его въ санаторію, но такъ какъ подъ вліяніемъ лѣченія настроеніе его значительно улучшилось, то мать не торопилась исполнить этотъ совѣтъ.

Послѣ покойнаго осталось письмо, адресованное его прежнему товарищу по гимназіи, которое довольно отчетливо рисуетъ намъ внутренній міръ самоубійцы; въ немъ есть ясныя указанія прежде всего на его болѣзнь, заставлявшую его глубоко страдать, есть изложеніе философскихъ взглядовъ пессимистической школы, примѣннуть къ которымъ автора при-
нуждало его собственное подавленное настроеніе; наконецъ, мы видимъ здѣсь и темныя намеки на многое, что „горой придавило“ его,—этой горой, повидимому, являются условія домашней жизни.

Вотъ это письмо:

М. г. Не знаю, откуда почерпнули Вы свѣдѣнія о моемъ «донкихотствованіи». Но скажу лишь одно: очевидно слухи, дошедшіе до Васъ, были слишкомъ искажены и приувеличены. Я сначала нѣсколько удивился тону письма... но, подумавъ, понялъ. Вы говорите, что я не имѣю права, что у меня только «психическій насморкъ» (счастливое слово), что я не знаю жизни, и въ концѣ концовъ сообщаете результаты Вашихъ собственныхъ размышленій на тему о томъ «какъ прекрасенъ Божій міръ». Глубоко тронутъ Вашимъ соболизмизованіемъ и... глубокомысленными совѣтами. Но видите ли, г. Б. кромѣ грусти и печали есть еще и страданіе, которое ведетъ не къ «свѣтлому полудню жизни», а гнететъ, унижаетъ и уничтожаетъ. Вы, очевидно, много грустили, много думали, но никогда не страдали. Вамъ не понравится это слово: страданіе. Не такъ ли? И Вы улыбнетесь и засмѣетесь, оставаясь въ безмятежномъ спокойствіи.—Почему, спросите Вы, это несчастное страданіе?—И Вы по своему правы, недоумѣвая и не понимая и не видя смысла въ безпричинномъ страданіи.

Постараюсь объяснить Вамъ, какъ я смотрю въ данномъ случаѣ на жизнь. Буду кратокъ, надѣюсь примѣровъ не надо. Міръ внѣ насъ сильноѣ нашего «я». Онъ долженъ поглотить индивида, какъ единицу, какъ незамѣтную точку. Если личность активна, она лишь сможетъ найти подходящее мѣсто; если пассивна—слѣдуетъ за «всѣми», не сопротивляясь. Но «я» должно хотѣть и желать слиться съ міромъ. (Здѣсь область подсознательнаго, не управляемаго мышленіемъ). Человѣкъ, не желающій, а потому не могущій согласовать свое «я» съ требующей подчиненія массой, вслѣдствіе ли признанія ея безсмысленности, или своей неприспособленности, гибнетъ, если не физически, то умственно и нравственно. А послѣднее хуже. Посему я согласенъ съ Шопенгауеромъ: «Отдаваясь пассивно иногда бурному, иногда тихому теченію жизни, мы съ мучительной надеждойзираемъ на спасительный призракъ, витающей вокругъ насъ смерти—примирительницы». Не знаю сочтете ли Вы это за нелѣпую бредовую идею, или найдете зерна достаточнаго основанія.... Сознаю, что это недалеко стоитъ отъ «сумасшедшей гордости» Николая Ставрогина (помните «Бѣсы» Достоевскаго). Но пока другого «психического насморка» не переживалъ.

Есть у меня еще многое, что горой придавило меня и не даетъ возможности стать на мѣсто достойное меня.

Отъ души благодарю Васъ за письмо. Признаюсь, я раньше не понималъ Васъ, встрѣчаясь съ Вами въ повседневной жизни: мнѣ казалось, извините, что Вы слишкомъ неискренни во многомъ.. Противорѣчія слышаннаго и виденнаго меня смущали. Но теперь скажу, что радъ встрѣтить въ Васъ человѣка, близкаго мнѣ по душевнымъ переживаніямъ. Да, я тоже теперь одинокъ и, пожалуй въдобавокъ съ неизлѣчимымъ «психическимъ насморкомъ».

Цѣнныя свѣдѣнія, пополняющія характеристику покойнаго, содержитъ также письмо бывшаго товарища О. Этотъ

товарищъ сообщаетъ, что въ младшихъ классахъ гимназіи онъ близко сошелся съ нимъ. Эпоха 1904—5 гг. однако разъединила прежнихъ друзей, такъ какъ О. пересталъ интересоваться наукой, увлекшись крайними политическими учениями, цѣлью которыхъ являлось только разрушеніе. Но видимо эти ученія не удовлетворяли его; онъ сталъ много и бессистемно читать, выбирая по преимуществу книги философскаго содержанія. Въ старшихъ классахъ авторъ письма снова близко сошелся съ О., но встрѣтилъ какъ-бы другого человѣка, истомленнаго болѣзнью, безвольнаго, настроеннаго мрачно и подозрительно. О. тогда зачитывался Ницше и Шопенгауеромъ.

Резюмируя приведенные выше факты, мы видимъ, что самоубійство О. вызвано цѣлой серіей причинъ, между которыми основной слѣдуетъ считать психопатическую наслѣдственность. Явившись на свѣтъ съ неустойчивой психо-нервной организаціей, черезчуръ рѣзко реагируя на всѣ внѣшнія впечатлѣнія, мальчикъ попадаетъ въ тяжелыя семейныя условія: вторичное замужество матери, частыя ея ссоры съ мужемъ, сознаніе полного одиночества въ семьѣ—все это могло только усиливать болѣзненные свойства ума и характера. Поступивъ въ гимназію, онъ первые годы увлекается учениемъ и чувствуетъ себя видимо лучше, избавившись отъ одиночества и замкнутости. Но наступаетъ эпоха бурнаго общественнаго движенія. Неуравновѣшенный, всегда впадающій въ крайности мальчикъ, конечно, могъ сдѣлаться послѣдователемъ только крайнихъ ученій; ему пришлось, повидимому, вынести тяжелую борьбу съ прежними взглядами, которая разумѣется не могла пройти безслѣдно для неокрѣпшаго, вдобавокъ болѣзненнаго организма. Крайнія ученія не удовлетворили О. и начинается неустанное огищиваніе истины, безпорядочное, бессистемное, безъ руководителя; проглатывается книга за книгой; пессимистическія ученія популярныхъ философовъ волнуютъ душу, болѣе и болѣе расшатывая нервную систему; юноша заболѣваетъ тяжелой черепно-мозговой нейра-

стей, подъ вліяніемъ которой и спѣшить окончить свои дни.

XLIV. М. С. 18 лѣтъ, ученица VI класса гимназіи, 11 января 1910 г. отравилась карболовой кислотой; черезъ нѣсколько часовъ скончалась.

Покойная принадлежитъ къ мало культурной средѣ; ея отецъ, фельдшеръ, обремененный многочисленной семьей, могъ едва сводить концы съ концами, тѣмъ болѣе что старшая дочь, нѣмая, къ труду неспособна; всѣ надежды возлагались на М.; на воспитаніе ея, повидимому, затрачивались всѣ средства. Но дѣвушка не обладала способностями и несмотря на все трудолюбіе и усидчивость училась посредственно. Въ VI-мъ классѣ ее должны были оставить на второй годъ. Такая неудача, повидимому, отразилась тяжело какъ на покойной, такъ и на ея семьѣ. Вполнѣ возможно, что родные позволяли себѣ рѣзкіе упреки, тяжесть которыхъ чувствовалась тѣмъ сильнѣе, что дѣвушка по развитію и образованію стояла выше семьи; у ней уже могли быть интересы мало понятные окружающимъ. Бесѣдуя съ подругами, бывая у нихъ, покойная видѣла иныя условія жизни, иную обстановку; контрастъ съ собственнымъ положеніемъ рѣзко кидался въ глаза и долженъ былъ тяжело отражаться на самочувствіи. Неоднократно говорила она подругамъ, что ей очень не хочется возвращаться изъ гимназіи домой, такъ ей тамъ тяжело. Въ послѣднее время С., повидимому, особенно сильно реагировала на замѣчанія своихъ учителей. Одинъ изъ нихъ упрекнулъ ее однажды въ плохомъ знаніи урока, прибавивъ „обычная Вамъ и большинству класса болѣзнь“. Эта фраза не имѣла никакихъ реальныхъ послѣдствій, однако глубоко ее задѣла; С. жаловалась матери на притѣсненія со стороны учителя. Рѣшившись умерѣть, она наканунѣ исповѣдывалась и причастилась и съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ привела въ исполненіе свой планъ. Послѣ нея остались коротенькія записки къ роднымъ:

1. «Братья и сестры, не забывайте священнаго долга къ родителямъ и другъ другу».

2. «Попросите въ газетахъ не печатать (хотя для меня уже безразлично)».

3. «Неудача въ ученіи и отсутствіе смысла въ жизни. Благодарю за все. Простите. Прощайте».

Приведенными выше фактами очень мало выясняется характеристика покойной; глухо упоминается только объ ея слабыхъ способностяхъ, въ которыхъ преподаватели и видѣли причину ея малоуспѣшности. Но быть можетъ матеріальная необеспеченность и неудобства домашней обстановки играли большую роль? Мы не знаемъ основныхъ особенностей ума и характера дѣвушки, какими интересами она жила, какъ она понимала „смыслъ въ жизни“. Съ большой вѣроятностью однако слѣдуетъ допустить, что тяжелыя семейныя условія, ухудшившіяся послѣ неудачи въ школѣ, сдѣлали покойную крайне впечатлительной. Мимолетное замѣчаніе учителя, не отразившись ничѣмъ, между тѣмъ запало въ душу, оскорбило дѣвушку. По аналогіи слѣдуетъ думать, что подобныя непріятности, получаемыя дома, оказывали не менѣе рѣзкое вліяніе. И вотъ мало-по-малу назрѣваетъ мысль, что впереди нѣтъ никакого выхода изъ столь безотраднaго положенія; остается одно—покончить съ собой. „Нѣтъ смысла въ жизни“ пишетъ покойная. Эта фраза указываетъ, что несчастная искала смысла въ жизни, вѣроятно, обращалась съ этой цѣлью къ книгамъ. Но современная литература легче всего могла дать матеріаль только для отрицательнаго отвѣта.

XLV. О. П. 14 лѣтъ, ученица IV класса гимназій, 21 января 1910 г. отравилась смѣсью уксусной эссенціи и карболовой кислоты; 23 января скончалась.

Покойная принадлежитъ, повидимому, къ психопатической семьѣ: три года тому назадъ застрѣлился ея родной братъ; старшая сестра, будучи еще гимназисткой, вышла замужъ противъ воли родителей. Отецъ велъ неправильный образъ жизни, что тяжело отражалось на всемъ строѣ семьи. П. училась удовлетворительно, никакихъ непріятностей въ школѣ не имѣла. По отзыву близкихъ подругъ это была дѣвушка

эксцентричная; за нѣсколько дней до самоубійства она говорила о томъ, какъ хорошо умереть съ сознаніемъ, что гимназисты понесутъ гробъ, а гимназистки крышку гроба. Въ самый день самоубійства она была въ гимназіи по обыкновенію веселая и живая.

По поводу этого факта можно только сказать, что по всей вѣроятности тутъ дѣло идетъ о невропатическомъ ребенкѣ, болѣзненные свойства котораго усилились благодаря переживаемому возрасту (pubertas).

Въ текущей прессѣ въ настоящее время часто встрѣчаются рассказы о случаяхъ самоубійства среди учащихся. Эти рассказы не могутъ не западать въ душу неуравновѣшенныхъ молодыхъ людей, настроеніе которыхъ подъ влияніемъ внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ и безъ того рѣзко нарушено. Мысль о самоубійствѣ легко пріобрѣтаетъ большую привлекательность, становится болѣе заманчивой. Вліяніе ежедневной печати, повидимому, сказывается и въ данномъ случаѣ.

XLVI. В. Б. 18 лѣтъ, ученица VI класса гимназіи, 24 янв. 1910 г. выстрѣломъ изъ револьвера нанесла себѣ тяжелую рану; 26 янв. скончалась.

Покойная происходитъ изъ психопатической семьи (ея мать страдала душевнымъ разстройствомъ), съ дѣтства отличалась нервною, впечатлительностью; обладала замкнутымъ, не общительнымъ характеромъ; физическое здоровье ея, вообще слабое, значительно ухудшилось послѣ перенесенной годъ тому назадъ тяжелой скарлатины, когда проявились, по свидѣтельству врача, признаки рѣзкаго малокровія; одновременно съ этимъ усилилась ея обычная раздражительность. Въ гимназіи Б. училась все время хорошо, вела себя безукоризненно. Мѣсяца за 3—4 до самоубійства настроеніе покойной сдѣлалось особенно подавленнымъ; неоднократно она высказывала нежеланіе жить. Весь день 24 января она провела съ знакомыми, которыя не замѣтили въ ней ничего особеннаго; вечеромъ съ подругой вышла въ садъ гулять, была спокойна;

попросивъ спутницу отойти на минуту въ сторону, она выстрѣлила въ себя и съ крикомъ упала. Въ карманѣ Б. нашли двѣ лаконическія записки; одна содержала казенную фразу: „прошу никого не винить въ моей смерти,“ другая, адресованная домашнимъ, гласила: „теперь вы будете спокойны. Прощайте“.

Приведенные факты слишкомъ малочисленны, чтобы на основаніи ихъ можно было точно установить причины, вызвавшія самоубійство. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что врожденная слабость нервной системы здѣсь сыграла крупную роль; эта слабость подъ вліяніемъ упадка физическаго питанія безспорно должна была усилиться и сдѣлать дѣвушку особенно впечатлительной. Но какія именно впечатлѣнія въ данномъ случаѣ привели къ роковому концу, рѣшить трудно. Нѣкоторый намекъ на нихъ даетъ только записка къ роднымъ: можно догадываться, что существовали семейныя непріятности, которыя вѣроятно и дали послѣдній толчокъ, нарушившій психическое равновѣсіе. Б., умирая, высказывала желаніе жить и раскаивалась въ своемъ поступкѣ; отсюда можно думать, что тяжелое душевное состояніе носило преходящій характеръ, вполне понятный при той неустойчивости нервной системы, какой обыкновенно отличаются лица, принадлежащія къ хопатической семьѣ.

XLVII. III. Б. 12. л., ученикъ двухкласснаго училища, 4 февраля 1910 г. съ цѣлю самоубійства выпилъ нашатырнаго спирта; серьезныхъ послѣдствій попытка не имѣла.

Б. жилъ при очень неблагопріятныхъ семейныхъ условіяхъ; мать его, вышедшая въ третій разъ замужъ, не обращала на сына никакого вниманія. Мальчикъ росъ, предоставленный самому себѣ, забросилъ занятія, пристрастился къ различнымъ удовольствіямъ, вродѣ посѣщенія иллюзіоновъ, и часто доставалъ деньги, тайкомъ продавая фруеты изъ магазина отчима. Училище онъ посѣщалъ неаккуратно, постоянно ссорился съ товарищами. Передъ покушеніемъ онъ написалъ записку:

„Въ моей смерти я никого не виную, только Г. Ф. обманщики М. Д. и за которыхъ я взялъ себѣ жизнь“.

Упомянутые въ запискѣ товарищи ранѣе посѣщали Б. дома, но, узнавъ объ его поведеніи, рѣзко упрекали его и не хотѣли болѣе поддерживать знакомства. Вѣроятно подъ вліяніемъ такой размолвки и произошла попытка къ отравленію, которая имѣла мѣсто въ школѣ, на глазахъ у товарищей. По всей вѣроятности она носила чисто демонстративный характеръ.

XLVIII. А. Ч. 18 лѣтъ, ученикъ V класса гимназіи, 5-го февраля 1910 г. отравился напатырнымъ спиртомъ; поправился.

Ч. поступилъ въ гимназію осенью 1909 г. прямо въ V классъ; по отзыву преподавателей онъ обладаетъ ограниченными способностями, но трудолюбивъ, беретъ память; съ товарищами мало сходится, тихъ, замкнутъ. 5 февраля, спрошенный преподавателемъ Закона Божьяго, онъ хорошо отвѣчалъ послѣдній урокъ, но предшествовавшего, заданного повторить, совершенно не зналъ, почему и получилъ отмѣтку три. Обиженный несправедливой, по его мнѣнію, оцѣнкой, Ч. изъ гимназіи зашелъ въ молочную лавку, гдѣ обратилъ на себя вниманіе удрученнымъ состояніемъ, и выпилъ тамъ купленный заранѣе напатырный спиртъ; на вопросы окружающихъ, почему это онъ сдѣлалъ, отвѣчалъ, что ему не даютъ жить. Оправившись послѣ оказаннаго ему пособія, онъ объяснилъ, что товарищъ въ этотъ день отвѣчалъ хуже его и получилъ пять, къ нему же преподаватель отнесся несправедливо, что и вызвало у него чувство обиды, заставившее искать смерти. До того Ч. изучалъ Законъ Божій съ усердіемъ, посѣщалъ церковь и его отвѣты оцѣнивались балломъ не ниже четырехъ.

Въ этомъ фактѣ рѣзко видается въ глаза полное несоотвѣтствіе между причиной и вызваннымъ ею слѣдствіемъ. Ч. учился удовлетворительно, получилъ 5 февраля удовлетворительную отмѣтку; никакихъ непріятныхъ замѣчаній ему не

было сдѣлано и тѣмъ не менѣе сознаніе обиды и несправедливости было такъ сильно, что заставило юношу рѣшиться на самоубійство. Единственное объясненіе такого несоотвѣтствія между полученнымъ впечатлѣніемъ и реакціей на него слѣдуетъ искать, повидимому, въ индивидуальныхъ особенностяхъ Ч., въ его чрезмѣрной впечатлительности. Откуда беретъ свое начало подобная впечатлительность, этотъ вопросъ приходится оставить безъ отвѣта за неимѣніемъ къ тому фактического матеріала.

XLIX. Е. З. 16 лѣтъ, ученица VII класса гимназіи, 8 февраля 1910 года сдѣлала попытку отравиться карболовой кислотой; поправилась.

Собранные при разслѣдованіи этого факта свѣдѣнія крайне скудны. Извѣстно только, что покушавшаяся отличнаго поведенія, могла рассчитывать на окончаніе курса, хотя ея успѣхи за послѣднее время значительно понизились. Условія семейной обстановки, личная жизнь дѣвушки совершенно неизвѣстны. Въ оставленной одной изъ подругъ запискѣ З. пишетъ:

«Уничтожь, пожалуйста, всѣ мои письма, не читая. Возьми у Г. мое обручальное кольцо и передай его А. С., конечно. Прощай. Будь счастлива. Причина моей смерти даже для меня непонятна. Просто должно быть до конца притворство, котораго, по выраженію мамы, у меня такъ много во всѣхъ моихъ поступкахъ. Такъ будетъ лучше».

Въ этой запискѣ имѣются, повидимому, намеки на романтическія отношенія и на недоразумѣнія съ матерью. Насколько онѣ имѣли значенія во всемъ событіи, судить трудно.

L. Л. Ф. 16 лѣтъ, ученикъ V класса гимназіи, 8 февраля 1910 г. съ цѣлью самоубійства отравился какимъ-то ядомъ; поправился.

Причиной покушенія являются семейныя непріятности, вызванныя смертью матери и вторичной женитьбой отца. Подробности событія неизвѣстны, т. е. офиціального разслѣдо-

ванія не было произведено и администрація школы узнала о фактѣ только по частнымъ слухамъ.

LI. А. З. ученикъ VI класса гимназіи, 16 февраля 1910 г. выстрѣломъ изъ револьвера пытался лишить себя жизни. Результатъ попытки—тяжелое пораженіе.

Изъ собранныхъ по этому дѣлу свѣдѣній видно, что З. жилъ при неблагопріятныхъ условіяхъ семейной жизни; между родителями его сложились тяжелыя отношенія; нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мать хотѣла уѣхать съ вѣмъ то отъ своего мужа; послѣдній ее едва настигъ и удержалъ силой. Въ гимназіи З. первые годы учился прилежно; въ V классѣ прилежаніе его стало ослабѣвать; въ VI долженъ былъ остаться на второй годъ. Въ настоящемъ учебномъ году занятія шли въ общемъ удовлетворительно, только по русскому языку онъ имѣлъ двойку. По характеру своему З.—юноша нѣсколько нервный и впечатлительный, однако всегда державшій себя корректно; никакихъ непріятностей или столкновеній ни съ преподавателями, ни съ товарищами у него не было. Въ день покушенія онъ былъ по виду спокоенъ и даже веселъ. Послѣ покушенія настроеніе З. было очень подавленное; онъ не хотѣлъ говорить съ окружающими, проявлялъ рѣзкую раздражительность. Постепенно психическое состояніе улучшилось; больной выражалъ удовольствіе, когда его посѣщали, охотно вступалъ въ бесѣду, но причинъ, вызвавшихъ покушеніе, или старательно избѣгалъ касаться, или же если и упоминалъ о нихъ, то различнымъ лицамъ опредѣляя ихъ различно. Одному классному наставнику онъ категорически заявилъ: „это мой секретъ и я его никогда и никому не открою.“ Другому лицу онъ сообщилъ, что его побудили къ самоубійству неуспѣшность по русскому языку и пристрастное отношеніе къ нему преподавателя этого предмета.

Такимъ образомъ поводомъ къ самоубійству въ данномъ случаѣ могли явиться, какъ тяжелыя условія домашней обстановки, такъ и неудачи въ школьной жизни. По всей вѣроятности оба фактора вліяли своею совокупностью, но который изъ нихъ оказалъ болѣе рѣзкое дѣйствіе, сказать нельзя:

слишкомъ мало мы имѣемъ данныхъ для выясненія индивидуальных свойствъ ума и характера юноши.

III. А. Ф. 19 лѣтъ, ученица VI класса гимназіи, 28 февраля 1910 г., покушаясь на самоубійство, выстрѣломъ изъ револьвера нанесла себѣ легкую рану въ грудь.

Отца у Ф. нѣтъ; мать мелкая торговка на базарѣ, женщина неграмотная, по характеру неуживчивая и грубая, очень сурово обращается съ дочерью, не останавливается и передъ побоями, не стѣняясь ни возрастомъ дѣвушки, ни мѣстомъ; бывали случаи, когда она била дочь даже на улицѣ. Въ прошломъ году послѣ одной изъ ссоръ съ матерью Ф. пыталась отравиться, но была во время остановлена. Въ гимназіи Ф. отличалась безукоризненнымъ поведеніемъ, училась достаточно хорошо, оказывая особенные успѣхи въ гуманитарныхъ наукахъ; только математическія способности ея были слабы, такъ что въ VI классѣ она должна была остаться на второй годъ. Этотъ фактъ вначалѣ произвелъ на нее очень тяжелое впечатлѣніе, потомъ же она оправилась и училась вполне успѣшно. Съ V-го класса преподаватели и подруги стали замѣчать, что Ф. часто находилась въ очень угнетенномъ настроеніи, съ видимымъ равнодушіемъ относясь ко всему окружающему. Дома она много времени посвящала чтенію классическихъ авторовъ, за которыми проводила цѣлыя ночи, такъ какъ днемъ мать вырывала изъ рукъ ея книгу, если узнавала, что это не учебникъ. Передъ попыткой къ самоубійству Ф. два дня провела со своими знакомыми, которые не замѣтили въ ней ничего особеннаго; только мать и сестры, особенно первая, отмѣчаютъ, что она была слишкомъ грустна, уединялась и крайне неохотно, даже съ раздраженіемъ отвѣчала на вопросы. Передъ самымъ выстрѣломъ она отослала одной изъ своихъ подругъ общую тетрадь, гдѣ вела дневникъ, и записку, въ которой жаловалась, что родные ее притѣсняютъ. Послѣ выстрѣла Ф. объяснила свой поступокъ общимъ недовольствомъ жизнью: „за каждую свѣтлую минуту приходится платить горемъ и разочарованіемъ“. Ходили слухи о какой-то романтической исторіи, но сама дѣвушка категорически ее отрицала, заявивъ, что изъ-за такихъ пустяговъ не стала бы стрѣляться.

Дневникъ Ф. содержитъ много подробностей, ярко характеризующихъ душевное состояніе дѣвушки. Ф. пишетъ, что она влюбилась въ человѣка, съ которымъ вначалѣ даже не была знакома; образъ этого юноши носился постоянно передъ ея глазами, мѣшалъ ей сосредоточить мысли на какой-нибудь книгѣ; она начала являться въ гимназію, не приготовленная къ отвѣту, и получала дурныя отмѣтки. Когда наконецъ Ф. удалось познакомиться съ юношей, она узнала, что ея идеаль относится къ ней дурно, что онъ любитъ другую. Съ этимъ фактомъ Ф., впрочемъ, быстро примиряется, желаетъ счастья соперницѣ, хотя настроеніе ея дѣлается уже болѣе подавленнымъ. Но видимо неудача въ любви не сломила бы дѣвушку, не привела бы ее къ рѣшимости покончить съ собой, если бы не крайне тяжелая домашняя обстановка.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ дневника Ф.:

«15 декабря. Опять эти непріятности. Онѣ на паряды деньги тратятъ, а я во всѣмъ виновата. Господи, и когда эта мука кончится; эта пытка заставить меня рѣшиться сдѣлать то, что я задумала. Боже мой! Какъ я несчастна! У нихъ непріятности,—я должна быть козломъ отпущенія. За что, за что терпѣть и страдать! Какъ я ихъ ненавижу! Желая имъ всякихъ бѣдъ и золь! Нервы разстроены въ конецъ. Какъ тяжело! Я права, а онѣ обвиняютъ меня въ несуществующихъ на меня расходахъ. Хоть бы скорѣе кончить гимназію и подальше отъ нихъ, какъ можно дальше, иначе едва-ли дотяну годъ. Только надежда избавиться отъ нихъ поддерживаетъ меня, а иначе не одобровать бы мнѣ. А въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли жить? При такой обстановкѣ, при такихъ условіяхъ едва-ли животное способно выжить, а не то человѣкъ. Больно, что не вѣрятъ мнѣ ни въ чемъ, хотя слово лжи никогда не оскверняло мои уста. Напали сегодня: «чего не была въ гимназію»? Говорю, что была, не вѣрятъ. Вѣдь во вторникъ два урока, не вѣрятъ. Что я за несчастная!.. Господи, пошли смерть, спаси меня! А какъ хочется быть любимой, любить, жить со всѣми въ мирѣ! Но развѣ это возможно!..

О, какъ хочется рыдать, кричать, умолять всѣхъ о чемъ то, о чемъ сама не знаю. Какъ хочется счастья, настоящаго счастья, но гдѣ оно, какъ его искать!

7 января 12 ч. ночи. Чего я плачу, не знаю. Что такъ сердце болитъ? Предчувствую несчастье. Такъ надоѣло жить, что молю Бога послать мнѣ смерть. Если еще разъ повторится вчерашній и сегодняшній случай, то я не колеблясь покончу съ собой. Вѣдь это такъ легко сдѣлать и удобно... А какое блаженство лежать и не знать ничего, не слушать ихъ.... Жить не хочу!

12 янв. За последнее время думаю, какая смерть легче, отравиться, застрѣлиться или повѣситься....

Въ моей смерти прошу никого не винить. Надоѣло жить, вѣрнѣе прозябать. Ничего хорошаго не жду въ будущемъ кромѣ страданій. А я уже достаточно страдала. Привѣтствую трехъ друзей, желаю имъ счастья и поменьше того, что перенесла я. Желаю, чтобы ихъ путь былъ устѣянъ розами, но только безъ шиповъ. Прощайте!»

Ф. жила въ крайне неблагопріятной семейной обстановкѣ: матеріальныя лишенія, мать—уличная торговка со всѣми особенностями этого типа, сестры—также видимо недалеко ушедшія отъ матери,—вотъ условія, окружавшія дѣвушню. Ребенкомъ она быть можетъ считала ихъ вполне нормальными; но въ гимназій, сойдясь съ подругами, бывая у нихъ, она познакомилась съ иной жизнью, съ иными взглядами, иными семейными отношеніями. По мѣрѣ того, какъ Ф. росла и развивалась, контрастъ между жизнью, какую она вела, и той, которую видѣла вокругъ и о какой читала, становился все рѣзче, все осязательнѣе. Не даромъ же съ V-го класса въ настроеніи ея замѣчаютъ рѣзкую перемену. Единственныя отрадныя минуты дома она переживала за чтеніемъ, но за нихъ приходилось расплачиваться тяжелой цѣной оскорбленій, даже побоевъ: „за каждую свѣтлую минуту приходится платить горемъ“. Переносить грубое обращеніе матери дѣлалось все труднѣе и труднѣе. Невольно явилась мысль о смерти, какъ объ единственномъ выходѣ изъ тяжелаго положенія. Отсюда—неоднократныя попытки покончить съ собой.

ЛІІІ. Ф. П. 16 лѣтъ, ученикъ IV класса реального училища, 8-го марта 1910 г. повѣсился съ цѣлью самоубійства; былъ вынутъ изъ петли мертвымъ.

Покойный происходитъ изъ достаточной, но мало интеллигентной семьи; родители его, люди простые, очень любили сына, не отказывали ему ни въ чемъ и гордились тѣмъ, что онъ учится въ реальномъ училищѣ. Мальчикъ обладалъ хорошими способностями, оказывалъ въ общемъ удовлетворительные успѣхи, легко исправляя собственными силами двойки, которыя время отъ времени получалъ; характера онъ былъ

веселаго, общительнаго, но обращалъ на себя вниманіе рѣзкими колебаніями настроенія, среди веселыхъ игръ, напри-мѣръ, легко обижался при самомъ ничтожномъ поводѣ. Незадолго до самоубійства преподаватель Закона Божьяго обѣщалъ ему поставить двойку въ четверти за его разговоры съ сосѣдями во время урока. По словамъ товарищей П. первое время отнесся къ этой угрозѣ довольно спокойно, смѣялся надъ ней. Весь день до самоубійства онъ былъ веселъ, какъ въ гимназіи, такъ и дома, вечеромъ игралъ съ дѣтьми, а потомъ, написавъ въ своей комнатѣ нѣсколько записокъ, незамѣтно для домашнихъ вышелъ въ сарай, гдѣ и повѣсился.

Вотъ записки, оставленные имъ:

1. Я умеръ, потому что не могъ переносить ударовъ, даже мелкихъ. Я былъ слабovolенъ. Последнимъ моимъ доканателемъ былъ батюшка, ни за что поставившій двойку въ четверти.

2. Нашему классу. Господа, не поступайте такъ, какъ поступилъ я, это глупо. Но я не могъ, я былъ нравственный уродъ, а съ жизнью надо бороться. Такъ слушайте, господа, примите отъ меня ради моей смерти слѣдующее: сидите тихо на французскомъ и нѣмецкомъ, смотрите же ради *смерти* и если можно отомстите батюшкѣ.

3. Вы мои родители, что посѣяли то и пожнете. Вы не умѣли меня воспитать нравственно, вотъ плоды этого. Берегите Андрея, онъ у насъ не хладнокровенъ. Отецъ люби и уважай всѣхъ равно».

Судя по приведеннымъ даннымъ П. былъ мальчикъ, черезчуръ сильно реагировавшій на получаемыя имъ впечатлѣнія; настроеніе его поэтому представляло рѣзкія колебанія; среди веселой игры онъ легко впадалъ въ аффектъ гнѣва, который настолько не соответствовалъ вызвавшей его причинѣ, что тѣмъ обращалъ на себя вниманіе даже дѣтей. Такого рода врожденныя свойства характера могутъ въ значительной степени сглаживаться подъ вліяніемъ соответствующаго воспитанія. П. однако росъ въ средѣ простыхъ людей, которые были въ состояніи заботиться по преимуществу, если не исключительно, лишь о физическомъ развитіи своего сына. Поэтому съ годами болѣзненные свойства ума и характера выступали болѣе и болѣе наглядно; особенной рѣзкости они должны были достигнуть въ періодъ *pubertatis*, когда именно и произошла катастрофа. Любопытны въ этомъ отношеніи

записки, оставленные покойнымъ; въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, ярко отражается вся психическая жизнь первнаго ребенка, тяжело переживающаго біологическую фазу своего развитія. Съ одной стороны мы въ нихъ находимъ, какъ предсмертный завѣтъ товарищамъ, наивные, совершенно дѣтскіе совѣты сидѣть тихо на урокахъ нѣмецкаго и французскаго языковъ (преподаватели которыхъ видимо пользовались благосклонностью писавшаго), съ другой — мы встрѣчаемъ наставленія взрослому человѣку своимъ родителямъ, какъ слѣдуетъ воспитывать младшаго брата, указанія на неправильность собственнаго воспитанія, упреки за это П., повидимому, строго относиться къ себѣ, называетъ себя нравственнымъ уродомъ, караетъ за это и въ то же время проситъ товарищей отомстить батюшкѣ — „послѣднему доканателю“. Передъ нами рѣзкая дисгармонія, пестрая смѣсь взаимныхъ противорѣчій, несомнѣмыхъ противоположностей. Подобнаго рода дисгармонію мы обычно можемъ наблюдать въ психической жизни дѣтей, переживающихъ эпоху возмужалости; но у дѣтей съ невропатической конституціей она достигаетъ особенной рѣзкости. На этой почвѣ каждый ничтожный уколъ самолюбія, мелкое нарушеніе интересовъ могутъ оказать глубокое вліяніе, повести къ тяжелымъ послѣдствіямъ. У П. отмѣтка по Закону Божьему была удовлетворительна, но батюшка общалъ вывести двойку въ четверти за дурное поведеніе въ классѣ; этого было достаточно, чтобы обида за несправедливость запала въ душу и въ связи съ подобными же другими вызвала рѣшеніе покончить съ собой.

LIV. А. Б., ученица VII класса гимназіи, 11 марта 1910 г. выпила нашатырнаго спирта; поправилась.

Б. происходитъ изъ недостаточной семьи, аттестована гимназіей, какъ ученица среднихъ способностей и лѣнивая; въ третьей четверти она получила двойку и единицу по геометріи, по которой имѣла ранѣе четыре и три. Отецъ — чело-

вѣкъ очень грубый—по поводу плохихъ отмѣтокъ сказалъ дочери, что убьетъ ее, если та не окончитъ курса. Послѣ этого Б. пыталась отравиться, объяснивъ матери, что предпочитаетъ смерть отъ своей руки, чѣмъ отцовской.

За неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ, которыя характеризовали бы психическую личность дѣвушки, высказаться съ желательной опредѣленностью о мотивахъ самоубійства невозможно. Повидимому здѣсь имѣли большое вліяніе какъ плохіе успѣхи въ гимназій, такъ и домашнія непріятности.

LV. Л. С. 17 лѣтъ, ученикъ городского училища, 11 марта 1910 г. кончилъ жизнь самоубійствомъ, застрѣлившись изъ револьвера.

Покойный принадлежалъ къ очень бѣдной семьѣ: его мать—вдова, учительница въ деревнѣ, должна была содержать всѣхъ своихъ дѣтей. Сначала С. учился въ духовномъ училищѣ, затѣмъ перешелъ въ городское. Вездѣ онъ оказывалъ очень плохіе успѣхи, посѣщая школу крайне неаккуратно; долго болѣлъ плевритомъ; всегда отличался хорошимъ поведеніемъ. Въ концѣ февраля мать С. подала прошеніе объ увольненіи сына изъ училища, такъ какъ онъ хотѣлъ поступить въ гимназію.

Въ карманѣ покойнаго нашли записку слѣдующаго содержанія:

«Прошу въ моей смерти никого не винить. Я застрѣлился самъ по своей волѣ и своему желанію. Сильно въ послѣднее время я разочаровался въ жизни. Главная же причина, которая заставила меня наложить руки на себя—это очень плохое матеріальное положеніе моихъ родственниковъ, которые не могли помочь мнѣ и дать на репетитора. Раньше имѣлъ это сдѣлать, но надежда на что то лучшее заставляла меня откладывать это рѣшеніе. Мама моя,—учительница въ деревнѣ и не имѣетъ никакихъ средствъ не только помогать мнѣ, но даже помогать моему брату—студенту и сестрѣ курсисткѣ. Поэтому я рѣшилъ это сдѣлать и облегчить себя и всѣхъ».

Только что приведенное письмо несмотря на всю его кроткость ярко рисуетъ тяжелую драму, какую пришлось пережить несчастному юношѣ. Въ семьѣ С. было очевидно

стремленіе къ знанію и высшему образованію; слѣдую при-
мѣру старшихъ, С. также мечталъ о гимназіи, университетѣ,
но не было денегъ на репетиторовъ, а тутъ еще тяжелая
болѣзнь, унесшая послѣднія силы. Мысль о самоубійствѣ
подкрѣдывалась уже давно, но юноша все надѣялся на что то
лучшее. Наконецъ онъ убѣдился, что образованіе для него
недоступно; мало того, требуя для себя средствъ, онъ мѣшалъ
брату и сестрѣ. Отсюда выводъ—вычеркнуть себя изъ числа
живущихъ и тѣмъ облегчить участь какъ свою, такъ и своихъ
близкихъ.

LVI. Н. О., ученикъ IV класса гимназіи, 17 марта 1910 г.,
во время перемѣны сдѣлалъ попытку отравиться стрихниномъ;
благодаря медицинскому пособію попытка не повлекла за
собою дурныхъ послѣдствій.

О. мальчикъ очень способный, но нѣсколько лѣнивый;
по характеру это—субъектъ живой, даже жизнерадостный,
но нервный, подчасъ капризный. Успѣхи его выше средних
и только въ послѣдней четверти по географіи онъ получилъ
двойку. Отецъ О., аптекарь, очень строго воспитываетъ сына;
опасаясь дурного вліянія товарищей, онъ даже не пускаетъ
его одного изъ дому, требуетъ серьезныхъ занятій и бываетъ
очень недоволенъ дурными отмѣтками. Наканунѣ покушенія
онъ имѣлъ съ сыномъ объясненіе по поводу предполагаемой
двойки. Самое покушеніе произошло при слѣдующихъ обстоя-
тельствахъ. Въ перемѣну между первымъ и вторымъ уроками
О. пришелъ въ комнату смежную съ учительской и началъ
плакать; на вопросъ инспектора о причинѣ слезъ онъ отвѣ-
тилъ, что ему поставлена изъ географіи въ четверти двойка
и притомъ несправедливо и неожиданно для него, такъ какъ
послѣднимъ удачнымъ отвѣтомъ были заглажены прежніе про-
бѣлы. Узнавъ подробности дѣла отъ преподавателя, инспекторъ
объяснилъ мальчику, что недавняя отмѣтка отнесена къ теку-
щей четверти, но что О. не слѣдуетъ беспокоиться, такъ какъ
его баллы за первыя двѣ четверти удовлетворительны, а за
послѣднюю онъ также имѣлъ уже хорошую отмѣтку. Маль-
чикъ повидимому успокоился, но въ слѣдующую перемѣну

инспекторъ снова замѣтилъ его въ той же комнатѣ и также крайне удрученнымъ. На вопросъ, почему не идешь въ классъ О. грубо отвѣтилъ: „не пойду..., мнѣ все равно,“ и поспѣшно началъ власть въ ротъ какую то массу, которую держалъ въ рукахъ. На дальнѣйшіе разспросы онъ сообщилъ, что отравился стрихниномъ, остатки котораго, равно какъ и пирожное, обсыпанное кристаллами яда, онъ немедленно отдалъ. Сейчас же вызванный врачъ сдѣлалъ промываніе желудка, послѣ чего О. успокоился и выразилъ даже желаніе оставаться на дальнѣйшихъ урокахъ.

Изъ приведенныхъ подробностей видно, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о мальчикѣ крайне нервномъ, боявшемся строгаго отца. Бесѣда съ отцомъ по поводу предполагаемой двойки такъ напугала О., что онъ пришелъ къ мысли отравиться и съ этой цѣлью досталъ изъ аптеки стрихнинъ. Умирать однако ему не хотѣлось; обычный жизнерадостный характеръ взялъ верхъ, и мальчикъ рѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку, пошелъ въ гимназію и тамъ выяснилъ инспектору свое тяжелое положеніе. Реальныхъ послѣдствій эта попытка не принесла и тогда О. принялъ ядъ. Но тутъ рѣшимость оставила его; онъ началъ выплевывать отравленное пирожное, отдалъ ядъ инспектору и охотно подчинился мѣрамъ, какія были предприняты для его спасенія. Повидимому такое отношеніе и дало поводъ какъ отцу, такъ и инспектору заподозрить здѣсь только симуляцію, желаніе напугать окружающихъ и тѣмъ избавиться отъ грозившаго наказанія. Съ такимъ взглядомъ однако врядъ ли можно согласиться. О., какъ сынъ аптекаря, взялъ ядъ съ выборомъ; онъ не могъ не знать, что ничтожнаго количества стрихнина достаточно, чтобы убить человѣка. Если онъ нуждался только въ демонстраціи, ему удобнѣе было ограничиться болѣе невиннымъ средствомъ, при которомъ вся опасность для жизни могла бы быть сведена до минимума. Вѣрнѣе допустить, что впечатлительный мальчикъ имѣлъ серьезное намѣреніе покончить съ собой, но это намѣреніе, противорѣчившее основнымъ чертамъ характера,

не отличалось стойкостью и мальчишья, искренне рѣшившись на самоубійство, такъ же искренне желалъ потомъ, чтобы его спасли отъ смерти.

LVII. И. К. воспитанникъ учительской семинаріи, 22 марта 1910 г., утопился, желая покончить съ жизнью.

К. очень хорошо учился, былъ прекраснаго поведенія, среди товарищей пользовался большимъ вліяніемъ и уваженіемъ, но всегда обращалъ на себя вниманіе грустнымъ видомъ, подавленнымъ настроеніемъ. Окружающіе объясняли такое настроеніе тяжелыми матеріальными условіями, въ которыхъ жила семья К.; на самомъ дѣлѣ однако оно зависѣло отъ его болѣзни: К. съ дѣтства страдалъ усиленнымъ половымъ влеченіемъ, проявлявшемся весьма различными способами и дѣйствовавшимъ на него крайне угнетающимъ образомъ. Лучше всего можно понять тяжелую борьбу, которую пережилъ К., изъ его письма, адресованнаго директору семинаріи; эта борьба надорвала силы юноши и заставила его искать облегченія въ смерти.

Вотъ это письмо:

«Многоуважаемый А. И. ухажу съ искреннимъ чувствомъ глубокой благодарности къ Вамъ за Вашу отеческую, мягкую ласку, которую Вы проявили по отношенію ко мнѣ. Вы слышали крикъ моей изстрадавшейся души, Вы видѣли горькія слезы. О многомъ онѣ говорили Вамъ, но всего онѣ не могли сказать. Вся жизнь моя была страшной мукой и представляла безконечный рядъ оскорбленій, которые я наносилъ самому себѣ. Съ 5-лѣтняго возраста до 19 лѣтъ я былъ подверженъ этому бессмысленному гадкому пороку—онанизму. Будучи въ дѣтствѣ глубоко религіознымъ, я страдалъ, бичевалъ себя за свои поступки и вмѣстѣ съ тѣмъ повторялъ тѣ же поступки опять и опять. Способы къ удовлетворенію животной потребности были весьма разнообразны. О, мой больной разумъ былъ весьма изобрѣтателенъ въ этомъ отношеніи. Въ дѣтствѣ мнѣ не чуждо было даже скотоложство.. Вся эта гадость сильно возмущала мою раздробленную въ клочья душу, но страсть была слишкомъ сильна, и я увѣренъ, что несу наслѣдственное возмездіе, которое такъ неумолимо, беспощадно терзало все мое существо. Я страшно, упорно боролся со своей страстью, но ни къ какимъ хорошимъ результатамъ не могъ прійти, такъ какъ боролся противъ того, чѣмъ я долженъ былъ сдѣлаться въ силу закона необходимости и борьба моя была противоестественной.

Четыре мѣсяца тому назадъ страсть нашла себѣ новый исходъ—развратъ, самый безстыдный, пошлый развратъ. Никакихъ постороннихъ вліяній

рѣшительно не было; я погружался въ развратъ вполне сознательно: весь разумъ, всѣ чувства, вся воля направлялась къ одной цѣли удовлетворить половую похоть. Послѣ преступленія я изнывалъ въ тяжкихъ мукахъ, но что наиболѣе важно, въ моемъ самобичеваніи никогда не было искренняго раскаянія; преступныя мысли, преступныя чувства, какъ червячки, точили мою больную душу и наполняли ее грязью, гноемъ, уничтожая въ ней все хорошее, свѣтлое. Нѣтъ! жить больше ненадо было; я не хотѣлъ превратиться окончательно въ послѣдняго раба страсти, въ самое отвратительное животное, пресмыкающееся, ползающее у ногъ страсти...

Если я уйду отъ жизни, то только лишь потому, что люблю жизнь, но жизнь осмысленную, разумную, имѣющую красоту, силу, а не жизнь ничтожнаго раба, гадкаго животного, для котораго духовной, красивой, разумной жизни не существуетъ. Я счелъ нужнымъ обнаружить причины моего самоубійства именно передъ Вами и надѣюсь, что Вы поймете весь трагизмъ моей души и не пошлете мнѣ вслѣдъ тѣхъ осужденій и укоровъ, которые посыпятся со всѣхъ сторонъ. Такія осужденія и укоры будутъ необдуманными.

Р. С. Успокойте, если сможете, родныхъ; пусть они узнаютъ обо всемъ послѣдними. Уважающій Васъ И. К.

Мы знаемъ, что усиленное половое влеченіе, развившееся въ возрастѣ ранняго дѣтства, обыкновенно указываетъ на глубоко дегенеративную почву, однимъ изъ симптомовъ которой оно является. Съ полнымъ правомъ поэтому можно думать, что въ данномъ случаѣ самоубійство было вызвано болѣзненнымъ состояніемъ.

LVIII. Н. Л. 20 лѣтъ, ученица VII класса гимназіи, въ ночь на 2-ое апрѣля 1910 года отравилась нашатырнымъ спиртомъ; черезъ четыре дня скончалась.

Л. сначала училась въ епархіальномъ училищѣ, отсюда поступила въ гимназію прямо въ пятый классъ. По отзыву гимназическаго врача съ физической стороны она представляла явленія рѣзкаго малокровія; въ психической сферѣ врачъ отмѣтилъ постоянно удрученное настроеніе, стремленіе отдаляться отъ подругъ. Въ VII классѣ Л. училась плохо, такъ что преподаватель русскаго языка предупредилъ ее, что она не будетъ допущена къ экзамену. Это извѣстіе, по мнѣнію подругъ Л. и матери ея, и послужило поводомъ къ самоубійству.

Покойная оставила слѣдующее письмо:

«Дорогіе папочка и мамочка, цѣлую Васъ крѣико, крѣико, прощаюсь съ Вами заочно. Собиралась, кажется, сказать очень много, но приступивъ къ письму—совершенно теряюсь. Простите, что доставила такъ много заботъ и горя, но это послѣднія. Не могу выразить все то, что я пережила, да и къ чему перечислять? Я всегда была несчастной, хотя въ большинствѣ случаевъ это скрывала: собственно говоря я не старалась скрывать, а только не старалась проявлять. Самыя счастливыя минуты въ моей жизни были въ тотъ моментъ, когда я рѣшила умереть; счастливыѣ минутъ я не помню. Папочка, Вы болѣе мужественны, утѣшайте маму. Мамочка, не плачь! Мамочка, если любишь меня не эгоистичной любовью матери, то ты не станешь плакать; утѣшай себя тѣмъ, что я теперь счастлива. Мамочка, прости меня: я не виновата и никто не виноватъ. Я не виновата потому, что, хотя бы въ угоду Вамъ, хотѣла протянуть свое существованіе и П. И. тоже не виноватъ. Мамочка, ну не плачь же, мамочка милая, дорогая, изъ за тебя я только жила. Простите. Папочка, цѣлую всѣхъ крѣико. Такъ гаснетъ маленькая жизнь! Не плачьте же. Умерла потому, что не хочу жить. М. цѣлую тебя крѣико, не плачь, утѣшай маму».

Это письмо ярко обрисовываетъ намъ тяжелое душевное состояніе дѣвушки. Изъ него мы видимъ также, что Л. уже давно боролась съ мыслью о самоубійствѣ и только любовь къ матери препятствовала ей привести свое намѣреніе въ исполненіе. Но какія причины вызвали столь глубокое нарушеніе настроенія? На этотъ вопросъ въ письмѣ мы не находимъ отвѣта. Правда, тутъ есть фраза: „и П. И. (иниціалы учителя русскаго языка) тоже не виноватъ“. Этой фразой ясно указывается, что непосредственнымъ поводомъ явилась неудовлетворительная отмѣтка, которая повлекла за собою оставленіе на второй годъ. Но почему же покойная занималась плохо въ теченіе года, если она такъ чутко реагировала на оцѣнку своихъ успѣховъ? Почему она не могла пробыть лишній годъ въ гимназій, когда извѣстно, что родители ея люди съ достаткомъ? Вѣдь не могла же она бояться рѣзкихъ упрековъ и тяжелыхъ сценъ въ семьѣ; изъ письма видно, какъ любила Л. своихъ родителей и какъ была увѣрена въ ихъ привязанности къ себѣ. Отчего она пишетъ: „я всегда была несчастной... Самыя счастливыя минуты въ моей жизни

были тѣ, когда я рѣшила умереть“.... Точный отвѣтъ на всѣ эти вопросы мы могли бы дать лишь при томъ условіи, если бы намъ была извѣстна психическая личность покойной, ея семейная обстановка и общественныя отношенія.

ЛІХ. Э. С. 14 лѣтъ, ученица V класса гимназіи, 3-го апрѣля 1910 г. выпила карболовой кислоты и вскорѣ скончалась.

Покойная, круглая сирота, жила у своего дяди, на счетъ котораго и воспитывалась. Въ гимназіи училась успѣшно, никакихъ непріятностей въ школѣ не имѣла. Въ день происшествія дядя нашелъ у нея въ столѣ карболовую кислоту и за обѣдомъ спросилъ, зачѣмъ она пріобрѣла ядъ. С. отвѣчала молчаніемъ. Тогда дядя сказалъ: „если ты хочешь отравиться, то уѣзжай отъ насъ сегодня же; я тебя пароходомъ отправлю къ сестрѣ“. Вскорѣ послѣ этого разговора С. вышла во дворъ и тамъ выпила карболовую кислоту, которую снова откуда то достала.

Мы не имѣемъ свѣдѣній ни о личности С., ни объ отношеніи къ ней родныхъ. По всей вѣроятности дядя тяготился своей питомицей и не скрывалъ этого отъ послѣдней; несчастная, не видя иного исхода, рѣшила покончить счеты съ жизнью.

І.Х. Н. К. 17 лѣтъ, ученикъ V класса гимназіи, въ ночь на 4 апрѣля 1910 г. повѣсился съ цѣлью самоубійства; былъ вынутъ изъ петли мертвымъ.

К. происходитъ изъ семьи, отягченной наслѣдственностью: дяди по матери кончилъ жизнь самоубійствомъ, двоюродный братъ отца также; родной братъ отца алкоголикъ. По словамъ отца К. былъ мальчикъ веселый, жизнерадостный, съ 1 же апрѣля рѣзко измѣнился, осунулся, ходилъ опустя голову, какъ бы не зная куда дѣваться. Такая переменѣ въ настроеніи совпала съ полученіемъ отъ директора гимназіи извѣстія, что если К. не исправится въ поведеніи, то будетъ уволенъ. Отецъ добавилъ, что дома его сынъ часто жаловался

на учителей, которые относятся къ нему несправедливо, ставятъ дурные баллы даже за удачные отвѣты. 3 апрѣля К. явился на праздникъ древонасажденія, но директоръ, увидя на немъ черные, а не сѣрые брюки, приказалъ удалиться и до вечера не выходить изъ дому. Черезъ нѣсколько времени мальчикъ, надѣвъ пальто, снова пытался принять участіе въ праздникѣ, но также безуспѣшно—надзиратель не позволилъ. Распоряженіе директора было сдѣлано въ присутствіи учениковъ и повидимому въ довольно рѣзкой формѣ. Потерпѣвъ неудачу на одномъ праздникѣ, К. хотѣлъ повеселиться на другомъ—вольно-пожарнаго общества, членомъ котораго состоялъ и которое въ этотъ вечеръ праздновало годовщину своего основанія. Но ему не повезло и тутъ: отецъ, косо смотрѣвшій на увлеченіе сына пожарнымъ дѣломъ, вечеромъ пришелъ за нимъ и увелъ домой, дѣлая по дорогѣ рѣзкія замѣчанія, называя мерзавцемъ, упрекая, что его выгнали изъ гимназій, грозя прибѣгнуть къ помощи полиціи, чтобы запретить посѣщеніе общества. Вообще отецъ былъ такъ взволнованъ, что сынъ просилъ его не дѣлать скандала на улицѣ. Наканунѣ, т. е. 2 апрѣля К. былъ удаленъ директоромъ изъ гимназій за то, что читалъ ученикамъ бумагу, которою его отецъ предупреждался о возможномъ удаленіи сына. Директоръ предполагалъ, что эту бумагу мальчикъ тайкомъ взялъ у отца, между тѣмъ она была дана ему намѣренно, дабы, показывая товарищамъ, онъ могъ объяснить, почему долженъ держать себя крайне осторожно. Этотъ фактъ послужилъ причиной объясненія отца съ директоромъ, причемъ первый обѣщалъ взять сына изъ гимназій послѣ лѣта и просилъ пока не исключать. Ко всему этому отецъ К. добавилъ, что его сынъ очень самолюбивъ и неоднократное удаленіе его изъ гимназій да притомъ, какъ ему передавали служителя, съ бранью, могло его очень волновать и обижать. Мать К. сообщила, что еще ранѣе, въ мартѣ, ея сынъ однажды пришелъ изъ гимназій крайне разстроенный и, взявъ ружье, хотѣлъ застрѣлиться, но сестра предупредила несчастье. Онъ тогда объяснилъ, что начальство гимназій несправедливо обвинило его въ какой то шалости, въ которой онъ совершенно не принималъ участія, не будучи даже въ тотъ день въ классѣ.

Постороннія лица, напр. начальникъ пожарной команды; характеризуютъ покойнаго, какъ мальчика чрезвычайно само-

любиваго, но жизнерадостнаго и всегда веселаго; вечеромъ же 3 апрѣля онъ обращалъ на себя общее вниманіе своимъ подавленнымъ настроеніемъ. Инспекторъ гимназіи аттестуетъ К., какъ ученика неподатливаго на всѣ воздѣйствія школы, своевольнаго, неповорнаго; такія особенности онъ объясняетъ психической ненормальностью, которая въ свою очередь зависѣла отъ неблагопріятной семейной обстановки: между отцомъ и матерью—постоянный разладъ, благодаря чему родители совершенно утратили свой авторитетъ въ глазахъ сына.

Въ кондуитномъ спискѣ, приложенномъ къ дѣлу, мы находимъ рядъ замѣтокъ о поведеніи К., идущихъ въ хронологическомъ порядкѣ за все время его пребыванія въ гимназіи. Эти замѣтки представляются крайне интересными. Онѣ помогаютъ создать истинное представленіе о психической личности погибшаго.

Въ приготовительномъ классѣ К. характеризуется какъ мальчикъ шаловливый, разсѣянный, склонный къ возраженіямъ, но способный къ ученію. Въ первомъ классѣ онъ называется за мелкія шалости въ школѣ и на улицѣ (толкаетъ товарищей, ѣстъ конфеты въ классѣ и т. п.); во второмъ классѣ былъ два раза наказанъ за бѣганье и крикъ во время перемѣны и за самовольный уходъ съ урока; въ третьемъ классѣ—подобнаго же рода школьныя продѣлки. Съ четвертаго класса нарушенія дисциплины учащаются, но продолжаютъ носить обычный дѣтскій характеръ: то К. опаздываетъ на урокъ, то подставляетъ ногу товарищу, то позволяетъ себѣ неумѣстныя и дерзкія замѣчанія. За четвертый классъ въ списокъ занесено всего десять замѣтокъ. Въ пятомъ классѣ замѣтки дѣлаются еще болѣе частыми: К. опаздываетъ на урокъ, не приходитъ во время на молитву, не обращаетъ должнаго замѣчанія на сдѣланные ему выговоры; старается, резонируя, оправдать себя даже и тогда, когда его виновность была очевидна; на урокахъ велъ себя безпозойно; иногда дрался съ товарищами. По словамъ класснаго наставника нѣкоторыя выходки его носили „злостный“ характеръ, напр. нанесеніе побоевъ товарищу.

Учился въ общемъ К. удовлетворительно, но только въ первыхъ трехъ классахъ; начиная съ четвертаго его успѣхи понизились, такъ что въ четвертомъ и пятомъ онъ оставался

по два года; въ 1909—1910 учебномъ году онъ также имѣлъ въ послѣдней четверти четыре двойки.

Интересныя свѣдѣнія о К. даетъ врачъ гимназіи. Онъ говоритъ, что семейныя условія сложились для К. очень неблагоприятно: отецъ и мать не имѣли для него должнаго авторитета и онъ росъ совершенно лишенный нравственной поддержки; такъ какъ родители не обращали должнаго вниманія на развитіе его духовныхъ силъ, то онъ мало по малу какъ бы отдѣлился отъ семьи. По характеру это былъ мальчикъ съ практическимъ умомъ, не имѣвшій склонности къ изученію теоретическихъ наукъ; благодаря крайней живости у него не было усидчивости въ занятіяхъ. Эти условія и были основной причиной его неудачъ въ гимназіи. Постоянныя взысканія и замѣчанія, какія онъ тамъ получалъ, неудовольствія по этому поводу отца, угрозы его—все это, усилившись за послѣднее время, крайне удручало К. и онъ находилъ себѣ отдыхъ только въ пожарномъ обществѣ. А между тѣмъ и начальство гимназіи и отецъ строго запрещали ему принимать участіе въ дѣятельности этого общества; поступая такъ, они руководствовались, съ одной стороны, опасеніемъ, что, занятый другими интересами, К. совершенно заброситъ ученіе, а съ другой—имѣли въ виду и возможность дурного вліянія членовъ этого общества: людей мало образованныхъ, грубыхъ, съ плохой репутаціей. К. приходилось обманывать и школу и семью; тайкомъ по вечерамъ онъ посѣщалъ общество и тѣмъ еще болѣе увеличивалъ пропасть, которая начинала образовываться между несчастнымъ мальчикомъ и его семьей. Въ пожарномъ обществѣ онъ очень привязался къ начальнику его, бывшему брандмейстеру, котораго называлъ отцомъ. Когда этотъ господинъ потерялъ свое мѣсто, К. былъ очень огорченъ, хлопоталъ о немъ, просилъ отца оказать протекцію у городского головы, подписать векселя и т. п. Когда всѣ хлопоты не увѣнчались успѣхомъ, К. открылъ негласную переплетную мастерскую, нанималъ подмастерьевъ и всѣ зарабатываемыя деньги (до сорока руб. въ мѣсяцъ) отдавалъ своему другу.

Этотъ случай самоубійства разслѣдованъ довольно обстоятельно и въ нашемъ распоряженіи имѣется весьма цѣнный фактическій матеріалъ, который позволяетъ съ достаточной

опредѣленностью высказаться о причинахъ, повлекшихъ за собою катастрофу. Прежде всего мы узнаемъ, что К. происходитъ изъ психопатической семьи. Наслѣдственность наложила, видимо, свою руку и на мальчика; это былъ ребенокъ чрезвычайно впечатлительный, живой, съ трудомъ поддававшійся школьной дисциплинѣ, но одаренный извѣстными способностями, могущій учиться, вдобавокъ очень самолюбивый. Въ первыхъ классахъ нарушенія школьнаго порядка отмѣчаются довольно рѣдко, начиная съ четвертаго сразу и рѣзко учащаются. Здѣсь, конечно, даетъ себя чувствовать эпоха *pubertatis*. Мы знаемъ, что психическое развитіе дѣтей въ эту эпоху происходитъ крайне неравномѣрно: прежде всего у нихъ развивается воля, тогда какъ интеллектъ въ собственномъ смыслѣ этого слова значительно отстаетъ. Вотъ почему дѣти, переживающіе *pubertas*, не въ состояніи правильно пользоваться своей волей; вотъ гдѣ скрыта причина, почему школьники четвертаго и пятаго классовъ наиболѣе склонны нарушать требованія дисциплины, представляются наиболѣе трудными въ воспитательномъ отношеніи. Такая особенность развитія наблюдается у самыхъ нормальныхъ дѣтей, но гораздо рѣзче выступаетъ у дѣтей—невропатовъ. Такъ какъ К. принадлежалъ къ послѣдней категоріи, то неудивительно, что, начиная съ четвертаго класса, его кондуитный списокъ пестрѣетъ все болѣе и болѣе. Прочитывая его, однако мы убѣждаемся, что проступки мальчика и въ этомъ періодѣ жизни носятъ обычный дѣтскій характеръ; самой „злостной“ выходкой можно назвать развѣ побои, нанесенные товарищу—фактъ очень и очень частый. Тѣмъ не менѣе изъ этого же кондуитнаго списка, а также изъ показаній, имѣющихся въ дѣлѣ, мы видимъ, что начальство гимназіи начинаетъ относиться къ мальчику съ постепенно возрастающей нетерпимостью, въ послѣднее время перешедшей въ ожесточеніе. Это обстоятельство по всей вѣроятности находитъ себѣ объясненіе въ склонности К. къ резонированію, на которую все чаще и чаще указываютъ отмѣтки

въ кондунтѣ. К., попадаясь въ какой-нибудь продѣлкѣ, пытался вывернуться, прибѣгалъ ко лжи, старался уловить начальство въ противорѣчіяхъ, позволяя по отношенію къ нему „неумѣстныя замѣчанія“ и дерзости. Такого рода резонированіе, стремленіе скрыть сущность дѣла подъ внѣшней формой и остаться кажущимся побѣдителемъ въ спорѣ — черта характерная для дегенеранта; она ясно указываетъ, что К. дѣйствительно не избѣгнулъ вліянія наслѣдственности. Изъ кондунтнаго списка мы видимъ также, что начальство гимназіи, не зная, что предпринять съ К., въ послѣднее время стало обращаться къ содѣйствію его отца и наконецъ отправило ему извѣстный ультиматумъ. Мальчикъ, исполняя совѣтъ отца, въ гимназіи прочелъ эту бумагу другимъ ученикамъ. Директоръ въ рѣзкой формѣ въ присутствіи товарищей приказалъ мальчику идти домой. Самолюбіе К. было, конечно, оскорблено такимъ отношеніемъ, тѣмъ болѣе что онъ считалъ себя совершенно не виноватымъ. Отцу снова пришлось объясняться съ директоромъ. Это объясненіе носило вѣроятно очень непріятный характеръ, если отецъ умолялъ потерпѣть и пока не исключать сына, а директоръ заявилъ, что не можетъ дать необходимой для перевода аттестаціи. Оно разумѣется, было передано мальчику и могло только усилить его тяжелое душевное состояніе. На другой день новая непріятность, также совершенно неожиданная: К. явился на праздникъ древонасажденія не въ тѣхъ брюкахъ, какія полагались по сезону. Директоръ снова рѣзко приказалъ ему удалиться и оставаться дома до вечера. Если директоръ такъ высоко ставилъ соблюденіе формы, то первая половина приказанія еще понятна, зато вторая является по меньшей мѣрѣ странной и показываетъ только, что подъ вліяніемъ раздраженія чувство мѣры было уже совершенно утрачено. Потрясенный случившимся, возвращается К. домой и здѣсь первая его мысль, а какъ отнесется къ этому отецъ. Неизвѣстно, желаніе ли принять участіе въ школьномъ праздникѣ, или страхъ объясненія съ

отцомъ заставили мальчика сдѣлать послѣднюю попытку, но онъ надѣваетъ пальто (вѣроятно нужнаго цвѣта брюкъ у него не было) и идетъ опять къ своимъ товарищамъ. Надзиратель однако снова отсылаетъ его домой. Если бы кто-либо изъ членовъ семьи могъ оказать теперь нравственную поддержку К., успокоить его, то повсей вѣроятности при живомъ характерѣ покойнаго катастрофа была бы предупреждена. Къ сожалѣнію мальчикъ росъ въ семьѣ одинокимъ. Какъ это случилось, сказать трудно; мы знаемъ только, что семья жила не дружно. Родители потеряли весь авторитетъ въ глазахъ сына. Если мальчикъ и слушался отца, то лишь подъ вліяніемъ страха наказанія, да и то на короткое время. Въ семьѣ К. нельзя было искать опоры, оставалось одно—обратиться къ любимому пожарному обществу, которое въ тотъ день какъ разъ праздновало годовщину основанія. Къ этому обществу мальчика тянула сначала просто живость характера, позднѣе же онъ сердечно полюбилъ его начальника, котораго характеризуютъ, какъ человѣка не высокой нравственности, но который тѣмъ не менѣе успѣлъ привязать къ себѣ К. К. исполнялъ всѣ приказанія своего новаго „папы“, помогалъ ему деньгами, словомъ, представилъ несомнѣнныя доказательства, что онъ былъ мальчикъ съ любящей душой и не его вина, если объектомъ его привязанности былъ не кто-либо изъ членовъ семьи или педагогическаго персонала. 3-го апрѣля весь вечеръ мальчикъ провелъ въ подготовкѣ къ празднику, усиленно хлопоталъ, но обращалъ на себя вниманіе всѣхъ своимъ необычнымъ удрученнымъ видомъ. Поздно вечеромъ отецъ, предполагая, что сынъ въ пожарномъ обществѣ, отправился туда и увелъ его домой. По дорогѣ происходитъ тяжелая сцена. К. умоляетъ отца: „не дѣлай здѣсь скандала, подожди доятаго мая—все будетъ по другому“. Нужно замѣтить, что еще ранѣе, когда покойный убѣдился, что надъ нимъ со всѣхъ сторонъ нависли тучи, въ головѣ его сталъ вырабатываться какой-то планъ, созрѣвать какая-то мысль о возможности

благоприятнаго для всѣхъ исхода. Объ этомъ онъ говорилъ съ дядей еще въ мартѣ, обѣщая, что 5 мая скажетъ что-то очень важное; то же повторялъ онъ и отцу, то же говорилъ потомъ и сестрѣ за нѣсколько часовъ до самоубійства. Видимо мальчику не хотѣлось умирать; онъ боролся съ нахлынувшими на него неудачами, но событія послѣднихъ двухъ дней, тяжелыя оскорбленія, полученныя имъ какъ въ гимназій, такъ и дома окончательно лишили его всякой энергіи и, потерявъ вѣру въ лучшій исходъ, онъ рѣшается прекратить свои дни. Такимъ образомъ анализъ фактовъ приводитъ къ заключенію, что К. болѣзненно-нервный мальчикъ прибѣгнулъ къ самоубійству подѣ влияніемъ нетактичнаго обращенія съ нимъ какъ дома, такъ и въ особенности въ школѣ.

LXI. Л. Л. 18 лѣтъ, ученица VI класса гимназій, 4 мая 1910 г., покушаясь на самоубійство, выпила іодной настойки; поправилась.

Л. происходитъ изъ интеллигентной, достаточной семьи; мать отличается крайней нервностью. Сама Л. обладаетъ слабымъ физическимъ здоровьемъ, почему не могла учиться въ городѣ, гдѣ живутъ ея родные; по характеру это—дѣвушка гордая, самолюбивая, замкнутая. Лица педагогическаго персонала отзываются о ней, какъ объ ученицѣ среднихъ способностей, недостаточно прилежной, избѣгающей серьезнаго чтенія. Совершенно иначе смотритъ на нее врачъ гимназій. По его мнѣнію наука дается Л. съ трудомъ, такъ какъ способности ея плохи, но занимается она довольно много, ежедневно пять-шесть часовъ, не обращая вниманія на упорныя головныя боли. Въ виду того, что за послѣдніе годы по нѣкоторымъ предметамъ Л. имѣла 4 и даже 5, можно думать, что слова врача объ усидчивыхъ занятіяхъ дѣвушки болѣе соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Но несмотря на такія занятія по русскому языку она получила неудовлетворительныя отмѣтки. Вѣроятно это обстоятельство вліяло на нее удручающимъ образомъ и еще на Пасхѣ, прочитывая газеты, она обращала особенное вниманіе на описанія самоубійствъ; тогда

же ею была сдѣлана попытка отравиться мышьякомъ. Возвращалась въ гимназію Л. крайне неохотно. Здѣсь дѣла ея не поправились и она была предупреждена, что получить годовую двойку по русскому языку. Весь день четвертаго мая Л. была повиду совершенно покойна и весела, отвѣчала уроки, никакихъ непріятностей не имѣла, ничѣмъ особеннымъ не обратила на себя вниманіе; придя домой, она весело бѣгала съ подругами вечеромъ по саду, а послѣ ужина вышла во дворъ и тамъ выпила три унца іодной настойки. Подававшему ей помощь врачу она сообщила, что не можетъ жить, такъ какъ неуспѣшно учится по русскому языку и боится быть недопущенной къ экзамену.

Такимъ образомъ изъ обстоятельствъ дѣла видно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою дѣвушку нервную, съ болѣзненными свойствами характера; не обладая большими способностями, она должна была работать много, поскольку позволяли головныя боли, и тѣмъ не менѣе успѣхи были неудовлетворительны; ея гордость и самолюбіе не могли примириться съ неудачей и она предпочла смерть, къ которой подготавливалась постепенно, вполнѣ хладнокровно и обдуманно.

LXII. X. Г. 16 лѣтъ, ученица V класса гимназіи, 13 мая 1910 г. покушалась отравиться уксусной эссенціей; была во время остановлена.

Г., узнавъ въ гимназіи, что по малоуспѣшности оставлена на второй годъ, стала плакать, кричать, заявила, что отравится, что у нея въ карманѣ ядъ, и просила подругъ передать два письма—одно отцу, другое пріятельницѣ. Дѣйствительно, въ карманѣ платья оказалась стеклянка съ уксусной эссенціей. Такъ какъ у Г. развилось истерическое состояніе, то былъ вызванъ врачъ, а затѣмъ отецъ, который и увезъ ее домой. При объясненіи съ начальницей родители заявили, что во время не обратили должнаго вниманія на плохіе успѣхи дочери, а когда узнали, что ее оставить на второй годъ, угрожали, что совсѣмъ откажутся отъ нея.

За отсутствіемъ свѣдѣній о характерѣ Г. и объ отношеніи къ ней семьи трудно высказаться съ положительностью объ ея поступкѣхъ; нельзя даже сказать, насколько серьезно было ея намѣреніе покончить съ собою.

LXIII. П. Б. 12 лѣтъ, ученикъ городского училища, 16 мая 1910 г. кончилъ жизнь самоубійствомъ, повѣсившись на веревкѣ.

По отзыву преподавателей Б. отличался крайне слабыми способностями, учился плохо, почему и былъ оставленъ въ классѣ на второй годъ. Извѣстіе о своей неудачѣ онъ принялъ, повидимому, спокойно, но не такъ отнеслись къ этому его родные; послѣ одной изъ ссоръ мать даже не хотѣла давать ему ѣсть; мальчикъ ушелъ изъ дому и вскорѣ былъ найденъ повѣсившимся въ сараѣ. Отецъ, очень сурово относившійся къ сыну, между прочимъ сообщилъ, что тупоуміе послѣдняго развилось вслѣдствіе какой-то болѣзни, перенесенной имъ въ первые годы жизни.

У насъ нѣтъ данныхъ для полной характеристики Б., почему и трудно съ положительностью высказаться о мотивахъ самоубійства. Повидимому однако школьная неудача повлекла за собою семейныя непріятности, которыя и вызвали катастрофу. По заявленію учителя „умственные способности Б. были такъ притуплены, что заниматься съ нимъ было крайне тяжело“. Въ два года онъ едва выучился читать, а въ первый годъ не могъ даже узнавать предметы, нарисованные на картинкахъ и въ учебникахъ. Если все это дѣйствительно такъ, то Б. былъ ребенокъ отсталый въ умственномъ отношеніи и школа, назначенная для нормальныхъ дѣтей, конечно, была не для него.

LXIV. М. М., 19 лѣтъ, ученица VII класса гимназіи, 22 мая 1910 г. сдѣлала попытку отравиться нашатырнымъ спиртомъ.

М. происходитъ изъ невропатической семьи: отецъ—человѣкъ раздражительный, который наводитъ страхъ на всю семью; старшая сестра страдаетъ какими то судорожными припадками, сопровождающимися потерей сознанія. Сама М. съ дѣтства отличается весьма вспыльчивымъ характеромъ и крайней впечатлительностью; по свидѣтельству врача у нея замѣчаются ясныя признаки истерическаго невроза; умственныя способности ея слабы, такъ что несмотря на упорный трудъ ученіе ей не давалось. Въ VII классѣ она была оставлена на второй годъ; въ текущемъ году успѣхи ея были лучше, хотя также не вполне удовлетворительны; за годъ она имѣла двойку по арифметикѣ, а на письменныхъ испытаніяхъ получила дурные баллы по алгебрѣ и геометріи. Тѣмъ не менѣе педагогическій совѣтъ принялъ во вниманіе ея трудолюбіе и счелъ возможнымъ допустить къ устнымъ экзаменамъ. На экзаменѣ по географіи она отвѣчала плохо и, предполагая, что ей поставлена двойка, выпила нашатырный спиртъ, принесенный подругой, которая страдала головной болью и всегда имѣла его при себѣ.

Основной чертой истерическаго характера является крайняя неустойчивость психическаго равновѣсія. М., и ранѣе проявлявшая черты истеріи, утомленная экзаменаціоннымъ трудомъ и волненіями, не вынесла новой неудачи, которую считала рѣшающей, схватила первый попавшійся подъ руку ядъ и выпила тутъ же среди подругъ. Очевидно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ проявленіемъ истерическаго невроза.

LXV. Д. А. 18 лѣтъ, ученикъ VI класса гимназіи, 27 мая 1910 г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

А. происходитъ изъ бѣдной семьи, содержалъ себя и родныхъ уроками; въ гимназіи учился хорошо, отличался примѣрнымъ поведеніемъ. Директоръ аттестуетъ его, какъ юношу честнаго, самолюбиваго, но очень вспыльчиваго. Всѣ товарищи любили его за искренность и сердечныя отношенія въ немъ. Давая зъ теченіе трехъ лѣтъ уроки въ одной семьѣ младшей дочери, А. близко сошелся и, какъ говорили, вступилъ въ связь со старшей сестрой своей ученицы. Въ послѣд-

нее время онъ увлекся и своей ученицей, отношенія къ которой носили впрочемъ чисто платоническій характеръ. Это увлеченіе было замѣчено матерью покойнаго, которая, видя, что сынъ слишкомъ много времени проводить съ дѣвушкой, боялась какъ за успѣхи его въ гимназій, такъ и за судьбу остальныхъ уроковъ, почему настойчиво уговаривала его прекратить опасное знакомство. Юноша далъ слово матери, но оказался не въ силахъ его сдержать. Въ тоже время ученица А. замѣтила интимность его съ своей старшей сестрой и видимо упрекала въ неискреннемъ отношеніи. Послѣ одного изъ такихъ непріятныхъ разговоровъ А., возвратившись домой, застрѣлился.

Причиной самоубійства въ данномъ случаѣ, очевидно, является тяжелое душевное состояніе юноши, вызванное его двойнымъ романомъ.

LXVI. В. Г. 16 лѣтъ, ученикъ IV класса гимназій, 5 іюня 1910 г. отравился карболовой кислотой и вскорѣ скончался.

Г. изъ интеллигентной семьи; обладая слабыми способностями, онъ учился плохо, такъ что едва переходилъ изъ класса въ классъ. Въ четвертомъ классѣ Г. получилъ 2 годовыя двойки по русскому и латинскому языкамъ, но все же былъ допущенъ къ испытаніямъ; на экзаменѣ по нѣмецкому языку отвѣчалъ плохо. Полагая, что получилъ два и поэтому не будетъ переведенъ въ слѣдующій классъ, Г. не справлялся даже объ отмѣткѣ (на самомъ дѣлѣ ему была поставлена тройка), а на другой день у себя на квартирѣ выпилъ карболовой кислоты и скончался. Въ комнатѣ покойнаго было найдено письмо къ отцу слѣдующаго содержанія:

«Дорогой папа. Я долженъ былъ поступить такъ, иного исхода не было. Согласно твоему письму, въ которомъ ты пишешь, что съ цензомъ четырехъ классовъ нельзя жить хорошо, а только бѣдствовать, а такъ какъ мнѣ выдадутъ свидѣтельство только за три класса, то и подавно нельзя жить. Остаться на второй годъ тоже не могу, потому что ты не позволишь (зная твой характеръ), да я и самъ ни за что въ свѣтѣ не остался бы. Что же выходить: на второй годъ остаться, чтобы продолжать ученіе невозможно, бросить гимназію, чтобы голодать, перспектива не важная. Остается одно:

истребить себя, какъ никому ненужный элементъ. Я такъ и сдѣлалъ. Не помпнай меня лихомъ. Моя послѣдняя просьба, это не обижай маму, я ее страшно люблю. Исполняя мою просьбу, ты сбросишь большую тяжесть съ моего сердца и на томъ свѣтѣ. Нинѣ ты постарайся, дай ей возможность получить прекрасное образованіе, дабы жила въ довольствѣ, если не въ счастіи. Изъ такого положенія я могъ выйти слѣдующимъ образомъ: за недѣлю до экзаменовъ нужно было подать прошеніе объ увольненіи и съ просьбой выдать свидѣтельство за четыре класса, тогда я могъ бы перейти въ другую гимназію, но я боялся объ этомъ сообщить тебѣ, да и кромѣ того я не ожидалъ, что мои дѣла такъ плохи. По русскому я имѣлъ три тройки за четвертую четверть, но вдругъ въ послѣдній день передъ роспускомъ я по двумъ диктовкамъ получаю двѣ двойки и за четверть выставляють два. Я смѣло могъ держать экзамень по рускому. По латыни я былъ слабъ. По нѣмецкому я отвѣтилъ, какъ мнѣ кажется, удовлетворительно. По крайней мѣрѣ грамматику я зналъ. Другимъ за такой отвѣтъ ставятъ три, а мнѣ два. Еще было кое какъ, но двойка по нѣмецкому меня сразила. Вотъ какъ обстояли мои дѣла. Не забудь мою просьбу. Я страшно люблю пѣніе, потому прошу тебя, когда меня будутъ хоронить возьми хоръ городского училища. Объ этомъ мѣрѣ, который покидаю, я не жалѣю. Желаю тебѣ жить долго и счастливо. Обо мнѣ не грустите, забудьте. Маму ты успокаивай, а то она будетъ очень печалиться и плакать. Еще разъ будьте счастливы и здоровы. Послѣднее прости мнимъ знакомымъ.

Гимназическій врачъ сообщилъ, что покойный неоднократно обращался къ нему за совѣтомъ, жалуясь на общую слабость, легкую утомляемость, раздражительность и бессоницу; въ послѣдній годъ онъ чувствовалъ себя особенно плохо, указывая на ослабленіе памяти, апатію и частыя головныя боли. Врачъ отмѣтилъ рѣзкое малокровіе, поставилъ діагнозъ „неврастенія“ и совѣтывалъ отдыхъ на три, четыре мѣсяца и лѣченіе, но матеріальныя и семейныя условія не позволили Г. выполнить такой совѣтъ.

Показанія врача и записка, оставленная покойнымъ, съ достаточной опредѣленностью выясняютъ намъ причины самоубійства. Г. страдалъ общимъ нервнымъ расстройствомъ въ формѣ нейрастеніи. Неизвѣстно, развилось ли это страданіе на почвѣ наслѣдственности (что чаще всего имѣетъ мѣсто у дѣтей) или же оно было приобрѣтено самимъ Г. благодаря тяжелымъ условіямъ семейной жизни, но какова бы происхожденія оно ни было, его симптомы рѣзко ухудшились въ гим-

написала два письма. Въ одномъ, адресованномъ отцу, она пишетъ, что потеряла надежду на лучшую жизнь, проситъ не винить мать, что она отпустила ее, такъ какъ и дома она не отказалась бы отъ мысли о самоубійствѣ. Проситъ не винить В. (женихъ П.), заявляетъ, что умираетъ чистая, какъ голубь, и уходя въ лучший міръ, будетъ заботиться тамъ о родныхъ, будетъ заступницей за нихъ передъ Всевышнимъ. Второе письмо къ начальницѣ, судя по внѣшности, написанное непосредственно передъ смертью слѣдующаго содержанія:

Дорогая и милая С. О.! Находясь въ чужомъ городѣ среди чужихъ людей Вы были для меня не начальницей, а добрый и хорошей матерью, каждое Ваше слово дѣйствовало для меня, какъ лѣкарство и давало найти въ жизни прямого человѣка. Теперь С. О., когда я считаю уже ученицей 7 класса, я рѣшила уйти отъ этого міра, хотя меня мучитъ тяжелое сомнѣніе. Не обязана ли я изъ любви къ дорогимъ родителямъ терпѣть и влечить бремя жизни, не смотря на то, что я должна отказаться отъ самой дорогой мечты? Не должна ли я посвятить эту жизнь имъ изъ чувства благодарности? Не совершаю ли я преступленіе, рѣшаясь покинуть ихъ? Не обманываю ли я ихъ довѣріе, лишая ихъ того, что дороже жизни, распоряжаясь самовольно своей судьбой? Существуетъ ли вообще право распоряжаться собой? Пустая фраза, подобная другимъ пустымъ словамъ и предразсудкамъ! Я страдаю отъ сомнѣнія, я страдаю отъ того, что возможность положить конецъ страданьямъ является сама по себѣ мучительной пыткой. Последнія силы меня покидаютъ. Я не въ состояніи больше притворяться. Имѣютъ ли родители право требовать жизнь своего ребенка, когда эта жизнь превращается въ вѣчное и неизлѣчимое страданіе? Развѣ грѣхъ, если я....

Во мнѣ нѣтъ силъ больше бороться. Я покончила со всѣми своими надеждами, желаніями. Все во мнѣ умерло, осталось лишь сознаніе полной безграничной пустоты. Безумно вѣрить въ счастье, созданное изъ обломковъ, построенное на топкомъ болотѣ. Последний конечный исходъ стоитъ передо мною ясно и опредѣленно, внутри я слышу голосъ говоривши мнѣ умри и ты избавишься отъ всей жизненной грязи. Милая С. О., мнѣ такъ не хотѣлось бы, чтобы Вы меня осуждали въ томъ, что я оставила этотъ міръ. Я не могу больше жить. Причину моей смерти я не пишу, зачѣмъ чтобы кто-нибудь смѣялся надо мной. Дорогая незабвенная начальница, одна большая просьба у меня къ Вамъ: не старайтесь, если будетъ возможность меня спасти, не допустить, ибо жизнь не имѣетъ никакого значенія. Телеграфируйте въ Т. С. Д. П. «пріѣзжайте Соня больна». Прости милая С. О., что умираю у Васъ въ домѣ. Мнѣ пріятно умерѣть тамъ, гдѣ воспитывалась 3 года. О какъ не хотѣлось бы, чтобы меня атомировали. Если у Васъ будетъ возможность постараться, чтобы мое тѣло не было разрѣзано на куски, но это моя послѣдняя мольба къ Вамъ. Объ одномъ, что я жалѣю, это то, что я передъ смертью не увижу дорогихъ мнѣ лицъ.

назиі, гдѣ вслѣдствіе слабыхъ способностей мальчику пришлось слишкомъ много работать и вдобавокъ волноваться по поводу плохихъ отмѣтокъ. Усиливавшееся страданіе въ свою очередь еще болѣе понизило трудоспособность; неудовлетворительныя отмѣтки сдѣлались болѣе частымъ явленіемъ и Г. грозила перспектива остаться на второй годъ. Мальчикъ имѣлъ основаніе думать, что отецъ на это не согласится, и въ то же время твердо вѣрилъ ему, что безъ гимназическаго диплома жить сколько нибудь сносно нельзя. Обстоятельства, въ какихъ находился Г., были такимъ образомъ крайне затруднительны для всякаго въ его положеніи, а онъ, какъ нейрастеникъ, видѣлъ ихъ въ еще болѣе мрачномъ свѣтѣ. У него невольно явилась мысль о самоубійствѣ, какъ объ единственномъ возможномъ для него выходѣ.

LXVII. С. П. 19 лѣтъ, ученица VI-го класса гимназіи, 27 августа 1910 г. съ цѣлю лишить себя жизни выпила карболовой кислоты и вскорѣ скончалась.

Покойная, дочь состоятельныхъ родителей, поступила въ гимназію прямо въ четвертый классъ; обладая, повидимому, слабыми способностями, она училась плохо, такъ что переходила изъ класса въ классъ только съ переекзаменовками; поведеніе была безукоризненнаго, но часто пропускала уроки по болѣзни. Въ послѣдніе годы какъ дома, такъ и въ классѣ у нея нерѣдко случались продолжительныя истерическіе припадки, сопровождавшіеся потерей сознанія; вмѣстѣ съ этимъ окружающіе стали замѣчать у нея крайнюю мнительность и какое то возбужденное состояніе. При переходѣ въ VII классъ П. была назначена переекзаменовка, почему она рано вернулась въ городъ съ дачи и стала усиленно заниматься. 26 августа начальница гимназіи встрѣтила ее весело и довольно: въ этотъ день она благополучно сдала экзаменъ. Утромъ 27 августа П. съ истерическимъ крикомъ вбѣжала въ комнату начальницы, выпила принесенную съ собой карболовую кислоту и упала на полъ: ее немедленно отправили въ больницу, гдѣ она и скончалась. Передъ покушеніемъ дѣвушка

Зачѣмъ больше писать? Прощайте моя милая и незабвенная С. О. Пора покончить со своей жизнью. Цѣлую Васъ безчисленное множество разъ Ваша ученица С. П. Дорогая С. О., успокойте мою мать и моего отца. Я въ полномъ сознаніи умираю. Я знаю, что нанесу тяжелый ударъ своимъ дорогимъ родителямъ, но ничего не могу собой дѣлать.....

Мнѣ кажется, что тамъ далеко, далеко отъ земли есть что-то безконечно хорошее и тамъ я буду лучше и счастливѣе».....

Разслѣдованіе не установило точно повода къ самоубійству; о немъ можно лишь догадываться. П., какъ истерическій субъектъ, сильно реагировавшая на всѣ внѣшнія впечатлѣнія, въ послѣднее время имѣла какія то непріятности, быть можетъ связанныя съ ея сердечнымъ увлеченіемъ. Усиленные занятія передъ экзаменами, переэкзаменовка и волненія, соединенныя съ нею, конечно, еще болѣе расшатали психическое равновѣсіе. Повидимому уже послѣ экзамена покойная испытала, какое-то новое потрясеніе, которое, попавъ на подготовленную почву, и явилось непосредственнымъ поводомъ къ самоубійству.

LXVIII. А. К. 20 лѣтъ, ученица VIII класса гимназіи, 15 октября 1910 года отравилась кокаиномъ; скончалась.

Покойная, дочь народнаго учителя, аттестуется начальствомъ гимназіи, какъ ученица способная, трудолюбивая, въ высшей степени серьезно относившаяся къ своимъ обязанностямъ. По окончаніи курса съ серебряной медалью она поступила въ VIII классъ, гдѣ продолжала работать съ прежнимъ усердіемъ. Но матеріальное положеніе ея семьи было крайне затруднительно. Отецъ разошелся съ матерью, которая уѣхала отъ него вмѣстѣ съ дѣтьми; кое-какъ перебиваясь сама, она не могла высылать денегъ дочери; хлопоты о стипендіи кончились неудачей. Въ виду этого мать предложила К. выйти изъ гимназіи и возвратиться къ ней, чтобы потомъ получить мѣсто начальной учительницы. Оставить мысль о дальнѣйшемъ образованіи однако для К. было слишкомъ тяжело и она предпочла умереть.

LXIX. В. К. 18 лѣтъ, воспитанникъ учительской семинаріи, въ ночь на 26 октября 1910 г. кончилъ жизнь самоубійствомъ, повѣсившись на веревкѣ.

К. родился въ бѣдной полуинтеллигентной семьѣ; съ дѣтства онъ отличался страннымъ характеромъ, не сходился ни съ кѣмъ изъ домашнихъ, жестоко обращался съ младшимъ братомъ, не выносилъ никакихъ замѣчаній со стороны старшихъ, часто отвѣчая на нихъ угрозами лишить себя жизни. Благодаря своеволію, строптивости и узкому эгоизму онъ не уживался подолгу въ школѣ, мѣняя одну за другой. Отецъ, видя, что съ такими свойствами сыну трудно выносить жизнь въ интернатѣ, опредѣлилъ его въ учительскую семинарію. Здѣсь К. чувствовалъ себя значительно лучше, довольно усердно занимался и оказывалъ настолько хорошіе успѣхи, что въ послѣднее время ему была назначена казенная стипендія. Начальство семинаріи, относившееся къ К. вполне хорошо, отмѣчаетъ только, какъ его отличительныя особенности, быстрыя смѣны настроенія и крайнюю замкнутость, которая не оставляла его даже въ кругу товарищей. Впрочемъ иногда и на него нападали минуты относительной откровенности и тогда онъ нерѣдко говорилъ о безцѣльности жизни вообще, увѣряя, что когда-нибудь покончить счеты съ жизнью, нисколько не жалѣя ни о чемъ. По словамъ отца половую жизнь К. началъ очень рано; еще въ деревнѣ, гдѣ жили его родные, онъ вступалъ постоянно въ связи съ дѣвушками и умѣлъ скрывать ихъ такъ ловко, что онѣ обнаруживались только въ случаѣ беременности. Родители, особенно мать, рѣзко упрекали сына за дурное поведеніе, но эти упреки только раздражали его. Въ послѣдній годъ К. также вступилъ въ связи съ одной молодой особой, которая вскорѣ сдѣлалась беременной. Когда мать ея замѣтила положеніе дочери, то заявила объ этомъ директору семинаріи, желая, чтобы онъ обязалъ К. обезпечить будущаго ребенка. К. конечно зналъ объ этомъ, но ничѣмъ не обнаружилъ переживаемой имъ тревоги и только вечеромъ 26 октября его мрачный видъ невольно кинулся въ глаза квартирному хозяину. Въ такомъ настроеніи, не сказавъ никому ни одного слова, К. вышелъ изъ дому, а короткое время спустя былъ найденъ уже мертвымъ, висѣщимъ на деревѣ въ саду семинаріи.

Послѣ покойнаго найдено было его письмо къ родителямъ слѣдующаго содержанія:

«Дорогіе папа и мама! Давно я храню въ себѣ мысль о самоубійствѣ. Она не давала и не даетъ мнѣ покоя. Нечаянно я кой-кому ее и высказывалъ въ различной формѣ, будучи въ извѣстномъ только мнѣ самому настроеніи. Такъ, я говорилъ съ близкими товарищами, но они или принимали за шутку, или же старались перевести разговоръ на другую тему. Мысль эта уже давно созрѣла, и я ждалъ только удобной минуты для осуществленія одной. Эта минута наступила.

Если Вы любите меня, то перевезите мной трупъ въ Пригаровку. И это все: больше тратить никакихъ я на себя не требую! Мнѣ очень хотѣлось побывать на послѣдокъ дней въ Пригаровкѣ и тамъ умереть, да душевное горе не пустило,

Прощайте! Прощайте! Прощайте!»

Приведенное описаніе довольно ярко рисуетъ намъ типъ дегенеративнаго характера; грубый эгоизмъ, жестокость, неуживчивость, раннее усиленное развитіе полового влеченія, крайнія колебанія въ настроеніи съ преобладаніемъ подавленнаго—всѣ эти черты мы обычно встрѣчаемъ у невропатическихъ субъектовъ. Психическое равновѣсіе у нихъ можетъ нарушаться чрезвычайно легко; иногда бываетъ достаточно незначительнаго повода, чтобы возникла мысль о самоубійствѣ, безъ особенной борьбы побѣждающая инстинктъ самосохраненія. Обстоятельства послѣднихъ дней жизни сложились для К. крайне неблагопріятно: онъ видимо дорожилъ семинаріей; желая уничтожить матеріальную зависимость отъ семьи, съ которой не ладилъ, онъ заручился уже стипендіей, какъ вдругъ раскрылся его романъ, который конечно могъ повлечь за собою удаленіе изъ школы, т. е. крушеніе всѣхъ его плановъ. Этого онъ не могъ вынести и самоубійство нашелъ для себя наиболѣе благопріятной развязкой.

LXX. Ф. В. 16 лѣтъ, ученикъ VII класса гимназій, 31 октября 1910 года выстрѣломъ изъ револьвера нанесъ себѣ тяжелое пораненіе, отъ котораго 7 ноября скончался.

В. сынъ интеллигентныхъ, достаточныхъ родителей, росъ и воспитывался въ семьѣ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; обладая способностями выше среднихъ, онъ учился въ общемъ удовлетворительно, особенно въ послѣднемъ классѣ; по характеру это былъ мальчикъ живой, жизнерадостный, отличавшійся прямою и честностью. За нѣсколько мѣсяцевъ до самоубійства В. познакомился съ молодой дѣвушкой, въ которую вскорѣ страстно влюбился. Эта особа, подъ вліяніемъ флирта и чтенія современныхъ романовъ преждевременно развившая въ себѣ чувственность, не замедлила разбудить ее и въ юношѣ. Испытывая новыя ощущенія, В. началъ ревновать свою невѣсту къ окружающимъ. Отсюда рядъ недоразумѣній и ссоръ, одна изъ которыхъ и закончилась катастрофой.

Изъ изложеннаго видно, что покушеніе на самоубійство было вызвано сильнымъ душевнымъ волненіемъ, какое переживалъ В. благодаря страстной любви.

III.

Съ перваго взгляда казалось бы, что приведенные выше семьдесятъ случаевъ—число само по себѣ слишкомъ незначительное, чтобы опираться на него, статистику могъ сдѣлать сколько-нибудь опредѣленные выводы. Но не слѣдуетъ забывать, что въ нашу казуистику вошли всѣ безъ исключенія случаи самоубійства и попытокъ къ нему, имѣвшіе мѣсто въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ въ одномъ обширномъ учебномъ округѣ. Никакого выбора здѣсь не было. Вотъ почему эти случаи являются полнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ дѣйствительнаго положенія дѣла въ извѣстной полосѣ Россіи. Но трудно, конечно, думать, что мотивы, которые заставляютъ учащихся этого округа наложить на себя руку, были совершенно иные, чѣмъ въ другихъ округахъ. Различіе между отдѣльными областями въ данномъ отношеніи можетъ состоять развѣ лишь въ преобладаніи мотивовъ одной категоріи надъ другой

въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Анализъ нашихъ случаевъ поэтому представляетъ существенный интересъ для рѣшенія поставленнаго нами общаго вопроса о причинахъ все возрастающаго увеличенія числа самоубійствъ въ Россіи у дѣтей школьнаго возраста. Къ этому анализу мы теперь и обратимся.

Въ трехъ изъ нашихъ случаевъ причины самоубійства остались совершенно неизвѣстными. Отбросивъ ихъ, мы будемъ имѣть 67 случаевъ, которые такимъ образомъ должны подлежать нашему разсмотрѣнію. Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ приведеннымъ выше описаніемъ ихъ не трудно замѣтить, что особенно часто въ немъ упоминается о наслѣдственности. Въ 17 случаяхъ имѣются вполнѣ опредѣленные указанія, что родственники самоубійцы страдали тяжелыми нервными или душевными болѣзнями. Въ 16 случаяхъ такихъ указаній нѣтъ, тѣмъ не менѣе патологическая наслѣдственность вѣ всякаго сомнѣнія; въ двухъ случаяхъ она выразилась въ формѣ рѣзкой дегенерачіи (V и LXIX); въ остальныхъ, какъ врожденная общая нервность (I, VII, VIII, XII, XXVI, XXIX, LIII и LVI) или какъ болѣе опредѣленный неврозъ (LXVII—истерія, XXVIII и LXVI—неврастенія) или, наконецъ, какъ душевное заболѣваніе (XLI). Итого, слѣдовательно, въ 33 случаяхъ была на лицо несомнѣнная патологическая наслѣдственность. Если добавить сюда, что хотя въ остальныхъ 34 случаяхъ и не упомянуто о наслѣдственности, но это еще далеко не значитъ, что ея не было во всѣхъ нихъ на самомъ дѣлѣ—она могла остаться неизвѣстной; если принять это во вниманіе, то мы будемъ имѣть наслѣдственность болѣе, чѣмъ въ половинѣ всѣхъ нашихъ случаевъ самоубійства. Противорѣчитъ ли этотъ выводъ тому, что мы находимъ въ литературѣ вопроса?

Baer въ цитированной выше работѣ, говоря о школьныхъ самоубійствахъ и касаясь причинъ, которыя ихъ вызвали, приводитъ весьма интересную таблицу. Въ Пруссіи за періодъ

времени съ 1883 по 1888 г. произошло 289 самоубійствъ у дѣтей школьнаго возраста; по мотивамъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Боязнь экзаменовъ и неудачные экзамены—17.

Иныя причины, связанныя съ посѣщеніемъ школы—14.

Ссора съ родителями и учителями—2.

Болѣзненное самолюбіе—19.

Боязнь наказанія—70.

Суровое обращеніе—13.

Досада, гнѣвъ, печаль—8.

Душевная болѣзнь—26.

Физическія страданія—3.

Религіозная мечтательность—2.

Несчастливая любовь—5.

Нравственная распущенность—7.

Пресыщеніе жизнью—6.

Игры—7.

Иныя причины—4.

Неизвѣстный поводъ—86.

Въ этой таблицѣ приняты въ расчетъ уже развившіяся душевныя страданія. О наслѣдственномъ предрасположеніи прямо здѣсь не упоминается; но зато есть рубрики, которыя весьма опредѣленно указываютъ на его наличность. Болѣзненное самолюбіе, религіозная мечтательность, нравственная распущенность, пресыщеніе жизнью, какъ мотивы самоубійства, могутъ наблюдаться, конечно, только у психопатическихъ дѣтей, которыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ получаютъ свои патологическія свойства по наслѣдству. Въ итогѣ мы будемъ имѣть, слѣдовательно, шестьдесятъ случаевъ самоубійства, гдѣ наслѣдственность играла рѣшающую роль—процентъ, какъ видимъ, довольно значительный.

Профессоръ *Eulenburg*,⁶⁾ разсматривая 1152 случая школьных самоубійствъ, происшедшихъ въ періодъ времени съ 1880 по 1903 г., въ 336 случаяхъ нашелъ, какъ причину, страхъ наказанія, въ 70—душевное заболѣваніе, въ 18—любовь, въ 51—патологическую наслѣдственность, въ 69—понуужденіе со стороны родителей получить высшее образованіе, къ которому дѣти не были способны. Во многихъ случаяхъ видную роль играли незначительныя причины: досада, отказъ товарищей отъ совмѣстныхъ игръ. 68 учениковъ были очень даровиты, но слабость характера, злоупотребленіе алкоголемъ и нравственные дефекты довели до самоубійства. Незначительная часть пришла къ роковому исходу благодаря дурному выбору книгъ для чтенія (сочиненія Зола, Ницше, Шопенгауэра). *Eulenburg* нашелъ наслѣдственность только въ 51 случаѣ. Если сюда присоединить всѣ 70 случаевъ душевнаго заболѣванія, то мы будемъ имѣть 121 случай самоубійства, гдѣ наслѣдственныя вліянія констатировались съ несомнѣнной положительностью. Но просматривая таблицу *Eulenburg*'а, не трудно убѣдиться, что эти вліянія, быть можетъ только слабѣе выраженныя, должны давать о себѣ знать и въ другихъ рубрикахъ. Такъ, неспособность дѣтей къ ученію очень нерѣдко является однимъ изъ симптомовъ дегенераціи. Незначительные поводы вродѣ досады могутъ вести къ самоубійству только субъектовъ съ неустойчивой психо-нервной организаціей, каковая у дѣтей чаще всего получается по наслѣдству. Наслѣдственность мы можемъ также искать между тѣми 68 лицами, которыя отличались слабостью характера и нравственными дефектами. Отсюда ясно, что цифру 121 необходимо значительно увеличить.

Проф. *Хлопинъ* (ор. cit.) 432 случая самоубійства и покушенія на него распредѣляетъ по вызвавшимъ ихъ мотивамъ слѣдующимъ образомъ:

---

⁶⁾ *W. Spart. Der Selbstmord. 1909.*

Нервные и душевные болѣзни—27,4%.

Невыясненные причины—22,3%.

Школьные причины—18,9%.

Семейные причины—12,1%.

Несчастная любовь 8,8%.

Школьно-семейные причины—5,5%.

Разные причины—2,9%.

Тѣлесные болѣзни—2,2%.

Для правильнаго пониманія этой таблицы слѣдуетъ помнить, что проф. Хлопинъ имѣлъ дѣло съ крайне мало разработаннымъ матеріаломъ, какимъ до недавняго времени являлись только оффиціальныя донесенія начальниковъ учебныхъ заведеній. Лучшее доказательство этому—высокій процентъ невыясненныхъ причинъ, почти четвертая часть всѣхъ случаевъ.

Душевные и нервные заболѣванія дѣтей, развиваясь въ громадномъ большинствѣ случаевъ на наслѣдственной почвѣ, служатъ, конечно, рѣзкимъ выраженіемъ послѣдней. Но эта почва можетъ достигать и меньшей степени развитія, проявляясь тогда рядомъ психическихъ особенностей, которыя по своему характеру весьма благопріятствуютъ, какъ возникновенію мысли о самоубійствѣ, какъ и приведенію ея въ исполненіе: болѣзненная впечатлительность, крайняя неустойчивость психическаго равновѣсія, отсталость въ умственномъ развитіи, нравственные дефекты—всѣ эти и подобныя имъ черты могутъ играть очень видную роль, какъ основные мотивы самоубійства, при наличности которыхъ достаточно незначительнаго внѣшняго повода, чтобы оно совершилось. Трудно сомнѣваться, что среди случаевъ, которые проф. Хлопинъ объясняетъ мотивами чисто школьными или семейными, а тѣмъ болѣе среди случаевъ невыясненныхъ извѣстная часть должна быть поставлена въ тѣсную связь съ наслѣдственностью. Какъ велика такая доля—сказать, конечно, нельзя, но во всякомъ

случаѣ процентъ, приводимый проф. Хлопинымъ, слѣдуетъ значительно повысить.

Изъ всего сказаннаго выше видно, что различные авторы, интересовавшіеся причинами дѣтскихъ самоубійствъ, единогласно указываютъ на важное значеніе наслѣдственности. Ваер даже категорически заявляетъ: „большая часть самоубійствъ въ дѣтскомъ возрастѣ совершается психически-больными дѣтьми или по крайней мѣрѣ такими, которыя расположены къ психическимъ заболѣваніямъ“. Да иного трудно было ожидать уже а priori. У вполне нормальныхъ дѣтей инстинктъ самосохраненія слишкомъ силенъ, а переживаемыя дѣтьми невзгоды слишкомъ незначительны, чтобы онѣ могъ быть затушенъ.

Кромѣ наслѣдственности среди мотивовъ самоубійства въ нашей вазуистикѣ наиболѣе часто упоминается о вліяніи школы, именно въ 32 случаяхъ.

Школа приводитъ дѣтей къ рѣшимости покончить съ собой весьма различнымъ образомъ. Въ трехъ случаяхъ (XXII, XXXIX, LX) непосредственнымъ толчкомъ явились столкновения съ администраціей школы. Во всѣхъ нихъ дѣло идетъ о психопатическихъ субъектахъ, которые въ силу своихъ болѣзненныхъ свойствъ стали во враждебныя отношенія къ педагогическому персоналу. Эти свойства между тѣмъ не были поняты надлежащимъ образомъ; къ дѣтямъ относились, какъ къ субъектамъ испорченнымъ, капризнымъ, въ одномъ случаѣ (LX) даже съ очевиднымъ озлобленіемъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ достаточно было сравнительно незначительнаго повода, чтобы разразилась катастрофа.

Гораздо чаще однако поводомъ къ самоубійству являются неудовлетворительные успѣхи въ занятіяхъ. Плохія отмѣтки въ году, неудачи на экзаменахъ, оставленія на второй годъ отмѣчаются въ 29 случаяхъ, какъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ (а иногда и единственный), заставившій дѣтей стремиться

къ смерти. Вотъ почему на этой сторонѣ вопроса мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько долѣе.

Всѣмъ извѣстна грустная истина, что въ нашей школѣ мало педагоговъ, хотя и много учителей. Благодаря ненормальнымъ условіямъ, въ которыя поставлена преподавательская коллегія, въ нее поступаютъ очень часто люди безъ всякаго призванія къ избранной ими спеціальности, просто въ силу горькой необходимости. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такія лица, сами не интересуясь наукой, не въ состояніи заинтересовать ею и своихъ учениковъ. Отсюда плохіе успѣхи послѣднихъ, отсюда необходимость въ особыхъ педагогическихъ приѣмахъ, которые могли бы поднять ихъ успѣшность. И самымъ излюбленнымъ изъ этихъ приѣмовъ является система плохихъ отмѣтокъ, достигшая столь пышнаго расцвѣта въ нашей современной школѣ. Дурной отмѣткѣ педагоги приписываютъ двоякое значеніе: съ одной стороны, она можетъ дѣйствовать на самолюбіе ученика, съ другой—является мѣрой наказанія. Что касается перваго, то какъ показываетъ дѣйствительность, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ плохая отмѣтка задѣваетъ самолюбіе ребенка, стимулируетъ его въ дальнѣйшей работѣ. На этомъ основаніи мы не часто встрѣчаемъ самоубійства, вызванныя оскорбленнымъ самолюбіемъ, обидой за несправедливо поставленную двойку. Если въ нашей казуистикѣ и находятся случаи такого рода (XL, XLVIII и LXI), то не слѣдуетъ забывать, что это случаи весьма не ясные и что въ нихъ имѣются вѣскія данныя заподозрить патологическія свойства ума и характера дѣтей.

Та же дѣйствительность учить, что взглядъ на дурныя отмѣтки, какъ на мѣру наказанія, не менѣе ошибоченъ. Дѣти очень быстро свыкаются съ ними и переносятъ стоически, безпечно забывая, къ какимъ послѣдствіямъ въ дальнѣйшемъ могутъ вести всѣ эти единицы и двойки. Но совершенно иное отношеніе обыкновенно встрѣчаетъ дурная отмѣтка въ семьѣ ребенка; она зачастую вызываетъ здѣсь паническій ужасъ;

около нея вращаются всѣ интересы; члены семьи сердятся на ребенка, насмѣхаются надъ нимъ, дразнятъ его, чтобы заставить наперечъ всѣ умственные силы, не обращая иногда вниманія, хватаетъ ли этихъ силъ для полученія желательнаго образованія. Многіе родители глубоко убѣждены, что ихъ дѣти въ состояніи прожить сколько-нибудь сносно только при томъ условіи, если они пройдутъ среднюю и высшую школу. Умственные способности, индивидуальныя особенности при этомъ рѣзко игнорируются; не обращается должнаго вниманія даже на физическое здоровье. Дѣтямъ всѣми силами стараются внушить такое же убѣжденіе и иногда вполне удачно. Вспомните трогательно наивныя слова ребенка—самоубійцы (LXVI), который писалъ передъ смертью своему отцу: „ты мнѣ говорилъ, что и со свидѣтельствомъ за четыре класса жить очень плохо, а меня не перевели въ четвертый; значить жить и совсѣмъ нельзя; лучше умереть теперь“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда одни убѣжденія оказываются недостаточными, родные часто прибѣгаютъ къ различнаго рода наказаніямъ до побоевъ и даже угрозъ убить включительно. При этихъ условіяхъ понятно, почему въ нашей казуистикѣ такъ часто упоминается страхъ наказанія за плохія отмѣтки; въ десяти случаяхъ (X, XI, XXIX, XXVII, XXXVI, XXXVII, XXXVIII, LIV, LVI, XLIII) этотъ страхъ фигурируетъ на первомъ мѣстѣ, во многихъ другихъ онъ ясно читается между строками.

Особенно важную роль въ жизни школьника играютъ отмѣтки, полученныя на экзаменахъ: съ ними связываются крупныя непріятности въ семьѣ, потеря цѣлаго года, а иногда и лишеніе дальнѣйшаго образованія. Экзаменаціонная неудача, нерѣдко неожиданная или не вполне заслуженная, сопровождаемая сильнымъ душевнымъ волненіемъ, производитъ тяжелый шокъ на нервную систему, который можетъ разрѣшиться самоубійствомъ. Подобные факты станутъ намъ болѣе понят-

ными, если мы припомнимъ, какое громадное вліяніе оказываютъ экзамены на весь организмъ учащагося.

Игнатъевъ ⁷⁾ нашелъ, что семьдесятъ девять процентовъ всѣхъ учениковъ во время экзаменовъ теряютъ въ вѣсѣ и что въ среднемъ эта потеря у каждаго 1516 grm. Онъ приходитъ поэтому къ заключенію, что при данныхъ условіяхъ экзамены по ихъ вліянію на юношескій организмъ можно сравнивать съ тяжелой болѣзнью, которая имѣетъ своимъ послѣдствіемъ значительное нарушеніе питанія, при чемъ, конечно, не остается пощаженнымъ органъ, съ наибольшимъ напряженіемъ работающій въ экзаменаціонный періодъ—головной мозгъ.

Докторъ *Козинцевъ* ⁸⁾, опираясь на обширный матеріалъ, также нашелъ, что три четверти всѣхъ дѣтей во время экзаменовъ теряютъ въ вѣсѣ и что особенно большихъ размѣровъ эта потеря достигаетъ у учащихся старшихъ классовъ. Оба наблюдателя единогласно указываютъ на сильное нервное возбужденіе, въ какое дѣти часто приходятъ вслѣдствіе экзаменовъ; это возбужденіе лишаетъ ихъ сна и аппетита и выражается то въ формѣ страха, то общаго безпокойства, то болѣзненно подавленнаго или повышеннаго настроенія и чрезвычайно опасно для здоровья учащихся.

Таковы результаты, къ которымъ пришли русскіе авторы. Но подобную же картину рисуетъ намъ *dr. Andrae* ⁹⁾: впечатлительныя дѣти страдаютъ отъ общаго безпокойства, которое дѣлаетъ ихъ глубоко несчастными; болѣзненно расходившаяся фантазія въ каждой нерѣшенной задачѣ видитъ призракъ наступающаго экзамена; пессимистически настроенный ребенокъ рисуетъ свое будущее самыми черными красками.

⁷⁾ Der Einfluss des Examina auf das Körpergewicht. Zeitschrift f. Schulgesundheitspflege. 1898.

⁸⁾ Ibid. 1899. S. 205.

⁹⁾ Zeitschrift f. Schulgesundheitspflege. 1899. S. 416.

Наши случаи довольно ясно подтверждаютъ только что приведенную характеристику вліянія экзаменовъ. Въ семи случаяхъ (II, V, XXIX, XXX, LXIV, LXVII, LXVI) разслѣдованіе установило, что неудача на экзаменѣ явилась непосредственнымъ поводомъ къ самоубійству; въ пяти случаяхъ (I, III, XXIV, XLIV, LXII) эту роль играло оставленіе на второй годъ.

Однимъ изъ частныхъ мотивовъ, заставляющихъ дѣтей прибѣгнуть къ самоубійству, являются также неблагоприятныя условія семейной жизни.

Изъ нашихъ случаевъ эти условія упоминаются въ 21 и по своему характеру представляютъ значительное разнообразіе. Иногда семейная обстановка тяжело вліяетъ на дѣтей своей моральной стороною: при разладѣ между родителями безпризорныя дѣти, являясь свидѣтелями непріятныхъ сценъ, чувствуютъ себя глубоко одинокими; авторитетъ отца и матери въ ихъ глазахъ быстро падаетъ; нерѣдко безъ достаточнаго непосредственнаго повода развивается крайне удрученное настроеніе. Въ еще болѣе тяжеломъ положеніи могутъ оказаться учащіеся, которые происходятъ изъ бѣдной, мало культурной семьи. По мѣрѣ ихъ развитія между ними и семьей развертывается болѣе и болѣе глубокая пропасть; грубое обращеніе, рѣзкости со стороны родныхъ причиняютъ имъ невыносимыя страданія; настроеніе становится крайне подавленнымъ и на этой почвѣ достаточно какого-нибудь подчасъ незначительнаго повода, чтобы явилась мысль о самоубійствѣ. Типичными примѣрами такого рода являются случаи XLIV и LVII.

Въ случаяхъ второй категоріи мы имѣемъ дѣло съ жестокимъ обращеніемъ, съ побоями, какимъ дѣти подвергались въ семьѣ. (Подобное обращеніе, конечно, характеризуетъ одновременно и нравственную атмосферу, въ какой жили самоубійцы). Таковы случаи X и XXXIV. Въ пяти случаяхъ непосредственнымъ поводомъ къ лишенію жизни были повиди-

мому ссоры съ старшими членами семьи, большею частью съ тѣми, въ матеріальной зависимости отъ которыхъ дѣти находились.

Матеріальныя лишенія, страхъ за необезпеченное будущее, невозможность по бѣдности получить дальнѣйшее образованіе въ шести случаяхъ упоминаются на ряду съ другими мотивами самоубійства; въ случаяхъ VI и LV эти мотивы являются основными.

Любовь и связанныя съ нею душевныя волненія занимаютъ видное мѣсто среди поводовъ къ самоубійству въ шести случаяхъ, а въ двухъ (LXV и LXX) это даже единственные, которые установило разслѣдованіе.

Въ трехъ случаяхъ наряду съ другими мотивами играли также большую роль физическія заболѣванія. Душевная болѣзнь въ двухъ случаяхъ явилась единственной причиной самоубійства.

Но кромѣ всѣхъ перечисленныхъ выше мы должны остановить особое вниманіе еще на двухъ факторахъ, оказавшихъ несомнѣнное вліяніе на увеличеніе числа школьныхъ самоубійствъ за послѣднее время.

Эти факторы—современная литература и подражаніе. Основные черты современной литературы, по крайней мѣрѣ въ трудахъ ея наиболѣе популярныхъ представителей,—глубоко отрицательное отношеніе къ окружающему и крайній пессимизмъ. Нервныя впечатлительныя дѣти, еще лишенные возможности правильно понять и спокойно отнестись къ прочитанному, знакомясь съ произведеніями новѣйшихъ авторовъ, быстро и всецѣло подпадаютъ вліянію послѣднихъ; настроеніе ихъ становится болѣе и болѣе удрученнымъ и на этомъ фонѣ какая-нибудь незначительная случайность легко пріобрѣтаетъ яркую окраску, получаетъ рѣшающее значеніе. Фактическій матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, далеко не отличается желательной полнотой и тѣмъ не менѣе въ шести случаяхъ (XIV, XV, XXV, XXXII, XXXIII и XLIII)

вліяніе литературы устанавливается категорически; въ рядѣ другихъ (напр. XLI и XLIV) оно сквозитъ довольно ясно, хотя прямо о немъ и не упоминается ни слова. Но современная пресса оказываетъ неблагоприятное вліяніе на дѣтей еще другой стороной.

Въ ежедневной печати мы теперь часто встрѣчаемъ подробныя описанія школьных самоубійствъ. Газетные репортеры, руководимые быть можетъ самыми лучшими побужденіями, не упуская изъ виду и мельчайшихъ деталей, даютъ читателю обстоятельную характеристику условій, при какихъ произошло самоубійство, останавливаются на возможныхъ мотивахъ его, описываютъ картину похоронъ, приводятъ рѣчи, говорятъ о цвѣтахъ, усыпавшихъ гробъ, объ общемъ сочувствіи, слезахъ. Школьныя самоубійства близко затрагиваютъ интересы каждаго; на описаніи ихъ съ большимъ интересомъ останавливаются взрослые, ихъ жадно прочитываютъ и дѣти. Передъ глазами учащихся разворачивается соблазнительная перспектива разомъ избавиться отъ единицъ, двоекъ и другихъ огорченій, сдѣлаться хоть на время героемъ, предметомъ всеобщаго вниманія и почета. „Мой гробъ понесутъ гимназисты, а крышку гроба гимназистки“ мечтаетъ несчастная дѣвочка, задумавъ лишить себя жизни (случай XLV). Гимназистка, недовольная собой и своими отмѣтками, усердно отыскиваетъ въ газетахъ описаніе самоубійствъ, видимо или желая познакомиться съ ихъ способомъ, или, что вѣрнѣе, стараясь чужимъ примѣромъ подкрѣпить свою нерѣшительность (случай XLI).

Но здѣсь намъ пришлось коснуться второго фактора—вліянія примѣра. Этотъ примѣръ, конечно, сильнѣе дѣйствуетъ, если совершается на глазахъ, или если дѣти лично знали самоубійцу и были знакомы со всѣми условіями и подробностями событія. С. Д. (случ. VII) выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни; В. К. (случай VIII), его товарищъ по гимназіи, черезъ недѣлю сдѣлалъ также попытку застрѣ-

литься. А. Д. (случай XIV) неоднократно пытался выпить ядъ. Его товарищъ, слѣдившій за нимъ все время съ цѣлью предупредить эти попытки, черезъ пять дней лишилъ себя жизни (случай XV). Въ пяти случаяхъ самоубійству учащаго предшествовало самоубійство одного изъ членовъ его семьи (III, XII, XXV, XXXIII, XLV). Всѣ эти и подобные имъ факты живо свидѣлствуютъ, какую роль играетъ тутъ подражаніе. Они даютъ право говорить объ извѣстной заразительности самоубійства, о наклонности его при благопріятныхъ условіяхъ принимать эпидемическій характеръ. „Si l'imitation est, comme on l'a dit, une source originale et particulièrement féconde de phénomènes sociaux, c'est surtout à propos du suicide qu'elle doit témoigner de son pouvoir, puisque il n'est pas de fait sur lequel elle ait plus d'empire“, говоритъ *Emile Durkheim* въ своемъ произведеніи, посвященномъ вопросу о самоубійствѣ (*Le suicide* 1897). Такое утвержденіе особенно справедливо, когда рѣчь идетъ о дѣтахъ, субъектахъ легко поддающихся чужому вліянію въ силу недостаточнаго еще развитія интеллекта, съ одной стороны, неокрѣпшей силы воли—съ другой.

Мы не будемъ останавливаться на анализѣ остальныхъ мотивовъ самоубійства, упоминаемыхъ въ предшествовавшемъ изложеніи—они носятъ слишкомъ единичный характеръ—и заканчивая свое изслѣдованіе, попытаемся въ короткихъ строкахъ формулировать основные выводы, къ которымъ оно насъ привело.

Наслѣдственная нервность, неблагопріятныя условія школьной обстановки и семейной жизни—вотъ главнѣйшіе факторы, вызывающіе школьныя самоубійства и дѣйствующіе чаще всего совмѣстно; остальные изъ перечисленныхъ выше отступаютъ передъ ними далеко на задній планъ. Но было бы грубой ошибкой думать, что разслѣдованіе, произведенное въ каждомъ изъ нашихъ случаевъ, точно установило всѣ мотивы безъ исключенія. Если чаще всего упоминалось о семьѣ и о школѣ,

то быть можетъ только потому, что ихъ дѣйствіе легче подмѣтить. Мы должны имѣть въ виду по крайней мѣрѣ еще одинъ важный факторъ—вліяніе общественной жизни. Въ отдѣльныхъ случаяхъ этотъ факторъ даже довольно ясно замѣтенъ, но въ весьма немногихъ; въ другихъ онъ только чувствуется, хотя его и трудно констатировать. Да иного трудно было бы и ждать. Вѣдь учащіеся составляютъ часть общества; они живутъ не только въ семьѣ и школѣ, но читаютъ, слышатъ, видятъ и дѣлаютъ соотвѣтственно своимъ силамъ извѣстные выводы изъ получаемыхъ ими впечатлѣній. Тѣ или другія явленія общественной жизни, то или другое настроеніе общества живо отражаются на нихъ, иногда рѣзче, чѣмъ на взрослыхъ. Статистика учитъ, что въ послѣдніе годы процентъ взрослыхъ самоубійцъ повышается съ поразительной быстротой. Существуютъ, слѣдовательно, условія, благоприятствующія такому печальному явленію. Эти условія неминуемо должны въ большей или меньшей степени оказывать свое вліяніе и на учащихся. Изъдѣсь то повидимому мы должны главнымъ образомъ искать объясненія тому факту, что самоубійства въ современной школѣ приняли столь грозный, временами прямо эпидемическій характеръ.

